

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Очеркъ изъ статики и исторіи христіанского обряда.

М. Скабаллановичъ.

КІЕВЪ.

кафія Імператорського Університета св. Владимира. Акціонерного Общества печатн. издательского дѣла. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица домъ № 6.

1910.

**Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Руководство для
сельскихъ пастырей“ за 1909 годъ.**

§ 1. Нынѣшняя форма поста.

Время и пространство считаются въ философіи принципами, т. е. способами, ограничіенія вещей. Это значитъ: не зная вещей такими, какъ онъ существуютъ въ нась и сами по себѣ, мы знаемъ ихъ лишь такими, какими онъ являются въ пространствѣ и времени. Онъ должны пройти чрезъ призму этихъ условій нашего познанія, чтобы быть воспринятыми нами. Съ другой стороны и воздѣйствовать на вѣнѣшній міръ мы можемъ не по самой сущности его, а лишь на обнаруженія его для нась, т. е. опять же въ границахъ времени и мѣста.

Этотъ общій законъ нашего отношенія къ лежащему въ нась міру имѣеть нѣкоторое приложеніе и къ нашей религіозной жизни. Хотя Богъ настолько близокъ къ намъ, что мы „въ Немъ живемъ, и движемся, и есмы“¹), и настолько сроденъ нашей душѣ, что можетъ ей открываться непосредственнѣе, чѣмъ матеріальный міръ, однако и Его отношеніе къ намъ не можетъ совершенно обойти рамокъ мѣста и времени. Нельзя отрицать, что Богъ въ храмахъ становится ближе къ намъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. А если такъ, то и во взаимныхъ отношеніяхъ между Богомъ и нами имѣютъ значеніе опредѣленія мѣста.

Тѣмъ болѣе въ этихъ отношеніяхъ должны имѣть значеніе опредѣленія времени, менѣе, такъ сказать, веществен-

¹) Дѣян. 17, 28 (по буквальному переводу съ припятаго греческаго текста).

ныя и грубая. Священные времена должны не мене приближать Бога къ намъ, чѣмъ священные мѣста. Это своего рода храмы Богу во времени, болѣе духовные, чѣмъ храмы въ собственномъ смыслѣ, слѣдовательно— болѣе приличные для Божества и болѣе угодные Ему.

Вступая въ священное время, мы чувствуемъ благодатное вліяніе, аналогичное тому, которое испытываемъ при входѣ въ храмъ. Разница, конечно, есть, но она выгоднѣе для священного времени. Во-первыхъ, благодатное вліяніе здѣсь продолжительнѣе (хотя можетъ быть мене интенсивно); во-вторыхъ,—оно разнообразнѣе.

Нѣть двухъ праздниковъ, которые навѣвали бы на насъ совершенно одинаковыя чувства. Можно сказать, въ каждый праздникъ Богъ намъ открывается совершенно съ другой стороны. По крайней мѣрѣ въ Православной Церкви совокупность пѣснопѣній, составляющихъ богослуженіе каждого великаго праздника, настолько своеобразна по общему характеру своему, что настраиваетъ вѣрующаго совершенно не такъ, какъ въ другой праздникъ. Въ этомъ отношеніи разница, и большая, есть даже между такими сравнительно второстепенными праздниками, какъ, напр., Срѣтеніе и Благовѣщеніе. А богослуженіе съ его пѣснопѣніями и напѣвами и служить выраженіемъ нашего настроенія въ праздникъ; этимъ настроеніемъ были вдохновлены праздничныя пѣсни и мелодіи ихъ творцамъ.

Если оцѣнивать съ этой точки зрѣнія священные времена, если смотрѣть на нихъ, какъ на своего рода храмы Богу, очищающія и возвышающія входящихъ туда, то трудно найти болѣе величественный и священный храмъ, чѣмъ Великій постъ. Онъ вполнѣ оправдываетъ свой эпитетъ, усвоенный ему въ просторѣчіи¹⁾ и принадлежащей кромѣ него

¹⁾ Официальное, такъ сказать, название этого поста „Святая Четыредесятница“; „великою“ въ богослужебныхъ книгахъ называется только послѣдняя его недѣля, Страстная.

только одному лишь празднику, одной недѣлѣ церковнаго года, пасхальной.

Въ этомъ постѣ христіанская Церковь владѣетъ воспитательнымъ орудіемъ такой силы и значенія, о которыхъ едва ли можно составить себѣ достаточное понятіе. Религіозныя переживанія человѣка занимаютъ до того глубокую часть его души, что они едва поддаются не только изученію, но и простому наблюденію. Тѣмъ меныше есть возможность опредѣлить или, точнѣе говоря, учесть ихъ вліяніе на всю душевную жизнь человѣка, а чрезъ нее и на всю вообще его жизнь, на его не только дѣятельность, но и міросозерданіе, характеръ.

Можно не преувеличивая сказать, что въ теченіе этого поста мы болѣе, чѣмъ когда-либо, похожи на христіанъ. Религіозная идея какъ бы носится тогда въ воздухѣ. Все окружающее такъ напоминаетъ о Богѣ и вѣчности, что не думать объ этомъ совершенно нельзя, можно только думать такъ или иначе, больше или меныше. Богъ неотступно стоитъ предъ глазами каждого,—для однихъ, какъ отрадная мысль и надежда, для другихъ, какъ мучительная задача, для иныхъ, какъ непонятная, можетъ быть, и нежелательная сила, такъ мощно дѣйствующая еще въ людяхъ, несмотря на систематическое, тысячелѣтнее богооборство.

Такое учрежденіе, когда бы оно ни возникло, не можетъ не имѣть громаднѣйшаго значенія не только для христіанства, но и для человѣчества. Въ немъ христіанство съ такою ощутительностью и внушительностью, какъ рѣдко чѣмъ и когда, проявляетъ свою дѣйственность и силу. Преп. Кассіанъ, какъ увидимъ ниже, и объясняетъ установленіе Великаго поста стремлениемъ пастырей Церкви хотя на эти 40 дней воскрешать въ вѣрующихъ тотъ духовный пылъ, которымъ горѣли все время первые христіане. Не повторяется ли и нынѣ, хотя въ менѣе замѣтныхъ размѣрахъ вслѣдствіе большей скученности населенія и смѣси въ одномъ мѣстѣ разныхъ племенъ и религій, явленіе, на-

блюдавшееся св. Златоустомъ въ IV—V вѣкахъ относительно поста: „нигдѣ нѣть сегодня ни шума, ни крика, ни разрѣзыванья мясъ, ни бѣганья поваровъ; все это прекратилось, и нашъ городъ теперь походитъ на честную, скромную и цѣломудренную жену. Когда подумаю о внезапной перемѣнѣ, произшедшей сегодня, и вспомню о беспорядкахъ вчерашняго дня, то изумляюсь силѣ поста, какъ онъ, вошедши въ совѣсть каждого, измѣнилъ мысли, очистилъ умъ“¹⁾.

Каждый грѣхъ, даже каждое гнилое слово, не проходитъ безслѣдно. И разрушительное дѣйствіе грѣха не ограничивается тѣснымъ кругомъ мѣста совершенія. Можно сказать, ядовитыя волны его тока распространяются по всему міру. Каждый грѣхъ въ нѣкоторомъ родѣ подтачиваетъ, разрушаетъ міръ, потому-то всѣ грѣхи такъ мерзки Богу и такъ караются Имъ. Если Великій постъ остановилъ хоть одинъ такой грѣхъ, то онъ имѣеть міровое значеніе.

Съ каждымъ годомъ жизни у христіанина все больше укореняется привычка проводить эти недѣли такъ, наполнять ихъ этими ощущеніями. Мало-по-малу мощная привычка дѣлаетъ постъ въ такое время необходимостью, безъ которой больно. Сюда надо присоединить и неизбѣжное здѣсь, какъ и во всей духовно-тѣлесной жизни, вліяніе наслѣдственности.

Такое столько же значительное, сколько сложное учрежденіе требовало искусной организаціи. Великій постъ дѣйствительно представляетъ изъ себя цѣлую строго продуманную систему дѣйствій, точнѣе— вліяній на вѣрующихъ.

Стоитъ войти въ Церковь въ чистый понедѣльникъ или вечеромъ въ сыропустное воскресенье, и уже одинъ видъ траурныхъ облаченій на аналояхъ произведетъ свое незамѣтное вліяніе на настроение наше. А такихъ впечатлѣній получается въ храмахъ въ теченіе поста десятки: начиная отъ напѣвовъ и кончая медленнымъ заунывнымъ звономъ, все

¹⁾ На кн. Бытія бес. 2.

это одно за другимъ непрерывно бьетъ въ душу, стучить въ двери ея, обычно закрытыя не только для религіозныхъ, но и для всякихъ высокихъ движений, пока, наконецъ, въ пробитыя щели не станетъ проникать живительное дыханіе вѣры.

Главнымъ изъ благодатныхъ вліяній поста или орудій воздѣйствія его на душу, какъ ни многочисленны и разнообразны они, является все же самая суть поста, материальная основа его, т. е. известное ограниченіе себя въ пищѣ.

Что ни говорить, а питаніе играетъ громаднѣйшую роль въ нашей жизни. Изъ пищи, такъ сказать, новотворится наше тѣло. А тѣло есть обнаруженіе, проявленіе души, которая въ самомъ возвышенномъ актѣ своей жизни не можетъ дѣйствовать отрѣшенно отъ тѣла. Процессъ питанія въ широкомъ смыслѣ, включая сюда и переработку пищи въ ткани нашего тѣла, поглощаетъ у души массу энергіи и береть для себя большую часть ея жизни, непрерывно наполняя ее связанными съ этой работой ощущеніями.

Въ виду такого значенія пищи для чисто-духовной жизни нашей, неудивительно, что всѣ религіи всегда придавали такое значеніе въ нравственномъ отношеніи посту, т. е. известного рода нормировкѣ и ограниченію себя въ пищѣ. Но и помимо этого, все же полуфизиологического значенія, постъ приобрѣтаетъ особое значеніе оттого, что имъ питаніе человѣка поставляется въ тѣсную связь съ богопочитаніемъ, получаетъ религіозное освященіе. Благодаря этому животворный глаголь Божій по-истинѣ проходитъ „до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ“¹). Благодатное вліяніе религіи такимъ образомъ простирается на самый низъ нашей души, на ту подсознательную сторону ея, где она дѣйствуетъ уже какъ простая „жизненная сила“ (*vis vitalis*).

При такомъ психо-физическому характерѣ поста для него имѣютъ большую важность всѣ материальные условія,

¹⁾ Евр. 4, 12.

въ которыхъ онъ протекаетъ. Изъ такихъ условій главнѣйшія слѣдующія три: время или пора поста, продолжительность его и способъ пощенія.

Извѣстно, каковы эти условія для Великаго поста. Въ первомъ отношеніи это посты весенній. Онъ падаетъ на время года, когда происходит обновленіе всего организма природы въ столь крупныхъ размѣрахъ, что этому periodу ея жизни давно усвоено название „воскресенія“ природы. Будучи частью природы, сыномъ ея по тѣлу, человѣкъ, конечно, не можетъ оставаться не захваченнымъ въ этомъ всеобщемъ потокѣ весеннаго оживленія природы. Напротивъ, какъ самое нѣжное созданіе ея, онъ долженъ наиболѣе реагировать на животворное дыханіе весны. Каждому знакомы тотъ подъемъ тѣлесной энергіи, то кипѣніе силъ въ организмѣ, которое имѣеть мѣсто весною. То—наше тѣло впитываетъ въ себя разливающуюся тогда всюду въ природѣ жизнь. Такой или иной родъ питания имѣеть тогда для тѣла больше, чѣмъ когда-либо, значеніе. Освятить въ такое время питаніе тѣла это значитъ освятить его въ наиболѣе подходящую пору. Съ другой стороны „дмѣнія“ плоти тогда особенно сильны. Принести въ жертву Богу эту пріятнѣйшую часть года по-истинѣ значитъ принести ему въ даръ лучшее, что мы имѣемъ, лучшіе изъ дней нашей жизни, „начатокъ“ (въ библейскомъ смыслѣ этого слова) года, который въ древности и начинался вездѣ съ весны.

Что касается продолжительности поста, то уже древніе учителя Церкви обратили вниманіе на то, что онъ составляетъ десятую часть года. Постъ, собственно какъ подвигъ воздержанія, заканчивается въ пятницу 6-й недѣли поста, когда Церковь начинаетъ свои пѣснопѣнія словами: „Душеполезную совершивше четыредесятницу“; далѣе начинается уже другой постъ въ честь страданій Христовыхъ. До этого дня отъ начала поста ровно 40 дней. По исключеніи изъ 48 дней всего поста (съ Страстной седмицей) 12 субботъ и воскресеній, въ которыхъ посты не полагаются, но принимается

постная пища только для однообразия въ питаніи, получается 38 дней. По тому или другому счислению постъ приближается къ 36 дніямъ =^{1/10} года. Такимъ образомъ Богу посвящается не только „начатокъ года“, но и „десятина“ его, въ соотвѣтствіе съ тѣми десятинами, которыя обычно приносились у всѣхъ народовъ въ даръ Богу отъ всѣхъ плодовъ земли.

Десятина эта тѣмъ особенно цѣнна, что въ ней приносится Богу не что-нибудь вѣнчнее и стороннее для человѣка, а какъ бы часть его самого, его жизни. Это—то самоизрѣщованіе, котораго Спаситель требовалъ отъ Своихъ послѣдователей. Величина такого поста вполнѣ отвѣчаетъ величию христіанской вѣры и превосходству ея предъ ветхозавѣтной религіей, которая требовала только одного дня поста въ году. Сорокадневнымъ постомъ христіане, какъ на то опять же обращали вниманіе древніе учителя Церкви, ставить себя на одинъ нравственный уровень лишь съ величайшими праведниками Ветхаго Завѣта—Моисеемъ и Ильею и подражаютъ Христу.

Но важна не столько символика и совпаденія, сколько самая суть дѣла. Сорокъ, да еще съ лишнимъ, дней поста—время не малое. Это, конечно, не то, что посты древнихъ подвижниковъ, продолжавшіеся десятилѣтія; но это посильное подражаніе ихъ постничеству со стороны каждого христіанина, являющееся вмѣстѣ фактическимъ признаніемъ за ихъ (подвижниковъ) подвигами великаго, непреходящаго значенія. Какъ увидимъ ниже, предпасхальный постъ удлиняется до 40 дней именно подъ вліяніемъ великихъ примѣровъ постничества у свв. отшельниковъ. 40 дней—это такой промежутокъ времени, въ который можно скиться съ самымъ суровымъ режимомъ, войти совершенно въ новыя условія жизни, почувствовать вполнѣ другую жизнь, жизнь постника съ ея тяжестями и небесными радостями.

Если въ цѣломъ институтъ поста главное и средоточное мѣсто занимаетъ тѣлесное ограниченіе человѣкомъ себя въ пищу, то весьма важнымъ въ дѣлѣ пощенія является такая

или иная степень этого ограничения или дієтетика питанія. Неудивительно, поэтому, что въ Православной Церкви эта сторона поста подвергнута самой точной регламентації. Послѣдняя дается вмѣстѣ и нераздѣльно съ чиномъ богослуженія на постъ (въ Типиконѣ и Тріоди постной) и уже само по себѣ такое соединеніе много говоритъ, трогательно: трапеза представляется какъ бы продолженіемъ богослуженія, перенесеніемъ его во весь домашній обиходъ. „Евангеліе отъ Марка, зачало 10“, читаемъ въ послѣдованіи на субботу 1-ю поста, „и святаго, зачало 52. Причастеній: Въ память вѣчную. На трапезѣ чтемъ слово похвальное о святѣмъ Феодорѣ св. Григорія Нисскаго. И ядимъ бобъ обваренный, съ маслинами бѣлыми и черными. Причащаемся же и варенія [жидкое блюдо] съ масломъ прилучившагося, и колива; вина же испиваемъ по красоволю ради святаго. Сие же пріяхомъ отъ лавры преподобнаго Саввы, и отъ богоноснаго отца нашего Евфимія“.

Правила относительно пищи, даваемыя на Великій постъ церковнымъ уставомъ, въ общемъ настолько суровы, что ужаснутъ и крѣпкую въ этомъ отношеній натуру. Но они хорошо разсчитаны на силы средняго по здоровью организма, а для немощи дѣлаются изъ правилъ исключенія, нисколько, впрочемъ, не потакающія излишней изнѣженности.

Полное неяденіе требуется въ теченіе цѣлаго дня только для трехъ дней поста: первыхъ двухъ дней его (понедѣльника „чистаго“ и вторника) и великой пятницы. Остальные дни 1-ой седмицы до пятницы включительно, затѣмъ отъ понедѣльника до пятницы 2—6 седмицы, равно какъ въ первые четыре дня Страстной седмицы и въ великую субботу полагается однажды въ день вечеромъ сухояденіе, т. е. употребленіе въ пищу хлѣба, воды и овощей; дозволяются и вареные овощи (напр., горохъ), но на-сухо и безъ постнаго масла (овощи за исключеніемъ Великой субботы). Во всѣ субботы и воскресенія поста разрѣшается настоящая вареная пища съ постными масломъ („вареніе съ елеемъ“) и вино (послѣднее

разрѣшается и въ тѣ дни сухояденія, на которых падаютъ болѣе торжественные воспоминанія, или въ которых совершаются очень длинные службы, напр. въ четвергъ пятой недѣли поста и даже въ Великую субботу). Рыба же во весь постъ разрѣшается только на Благовѣщеніе и Вербное воскресеніе (на первое, если оно не приходится въ Страстную седмицу) ¹⁾.

Въ Православной Церкви нѣть особаго богослужебнаго устава для монастырей и особаго для мірскихъ храмовъ. И такъ какъ правила пощенія (по вышеприведеннымъ основаніямъ) тѣсно связываются съ богослуженіемъ и даются только въ уставѣ послѣдняго, то и изложенные правила пощенія имѣютъ въ виду не только монаховъ, но и мірянъ. Гдѣ воздержаніе монаховъ въ постъ должно чѣмъ-нибудь отличаться отъ мірского, тамъ это точно оговаривается въ уставѣ; напр., кромѣ среды и пятницы монахамъ уставъ заповѣдуєтъ постъ и въ понедѣльникъ ²⁾; или же во всѣ дни, когда монахамъ разрѣшается масло и яйца, о мірянахъ прибавляется, что имъ разрѣшается мясо. Отсутствие въ уставѣ пощенія на Четыредесятницу такой оговорки показываетъ, что на эту уставъ Церковь смотритъ какъ на обязательный для мірянъ въ такой же степени, въ какой для нихъ обязательенъ весь богослужебный уставъ.

Но какъ за неполное выполненіе богослужебнаго устава Церковь не осуждаетъ, предоставляя въ этомъ отношеніи многое усердію, благодаря чему практика выработала извѣстный минимумъ службъ, дальше котораго считается непозволительнымъ идти,—такъ то же допускается и съ церковными правилами пощенія. Практикой установлено въ качествѣ минимума пощенія воздержаніе отъ мяса, молока и яицъ въ постъ. И надо замѣтить, что такая практика имѣеть для себя и каноническое основаніе въ правилахъ вселенскихъ соборовъ. 26

¹⁾ Типик. гл. 32 и passim.

²⁾ Тип. гл. 35.

правило 6 вселенского собора, по поводу существовавшаго тогда въ Арmenіи и др. мѣстахъ обычая въ субботы и воскресенія Четыредесятницы ъсть сыръ и яйца, предписывается: „за благо признано и сie, да Церковь Божія, по всей вселенной слѣдя единому чину, совершаеть посты и воздерживается, якоже отъ всякаго закалаемаго, такожде отъ яицъ и сыра, которыя суть плодъ и произведеніе того; отъ чего воздерживаемся; аще же сего не будуть соблюдати, то клирики да будутъ извержены, а міряне да будутъ отлучены“. Этимъ правиломъ безусловно воспрещается въ посты и считается нарушеніемъ поста употребленіе только мяса, сыра и яицъ.

Хотя въ точности неизвѣстно, когда возникли уставныя правила пощенія и они менѣе авторитетны, чѣмъ постановленія вселенского собора, но, немного ниже, историческое разсмотрѣніе вопроса покажеть намъ, что тѣ правила основываются на древнѣйшей церковной практикѣ. Да и соборъ, запрещая употребленіе въ посты названныхъ продуктовъ, имѣетъ въ виду только субботы и воскресенія поста. О томъ, какая пища не дозволяется въ другіе дни, соборъ не имѣлъ повода говорить.

„Относительно пищи понеси то, что можешь“, такое снисходительное правило на счетъ поста даетъ древнѣйшее послѣ новозавѣтныхъ Св. Писаній нравоучительное христіанское произведеніе, извѣстное „Ученіе 12 апостоловъ“. „Если ты дѣйствительно можешь понести все иго Господне, то будешь совершенъ; а если не можешь, то дѣлай то, что можешь“¹⁾.

Съ церковными правилами пощенія дѣло обстоитъ у насъ совершенно такъ, какъ и съ богослужебнымъ уставомъ Церкви. Общераспространенное убѣжденіе, что этотъ уставъ

¹⁾ Глава VI. Переводъ К. Д. Попова, изд. „Посредника“. Москва 1906 г.

не выполнимъ не только въ приходскихъ церквахъ, но и въ соборахъ, и даже въ монастыряхъ. Но убѣжденіе это исходитъ отъ тѣхъ, кто никогда и не думалъ выполнять его. Въ старой Россіи выполняли его и потому не разсуждали такъ. Отъ точнаго выполненія устава богослуженіе наше, несомнѣнно, много выиграло бы. Благодаря сокращеніямъ, оно теперь утомляетъ своимъ однообразіемъ. Его все больше и больше приближаютъ къ римско-католическому богослуженію, состоящему всякой разъ изъ однихъ и тѣхъ молитвъ; стихиры и канонъ, которыми главнымъ образомъ и разнообразится богослуженіе и которые составляютъ лучшую, центральную часть его, наиболѣе подвергаются сокращенію. Если бы на православномъ богослуженіи пѣлось съ надлежащимъ искусствомъ все то, что полагается пѣть, оно предстало бы въ такой дивной красотѣ, о какой теперь трудно составить себѣ и понятіе.

Такъ и съ церковными правилами пощенія. Трудно и совершенно невозможно судить о ихъ цѣлесообразности и достоинствѣ не испытавъ ихъ на себѣ. Автору настоящихъ строкъ привелось встрѣтить набожнаго человѣка, изъ мірянъ интеллигентнаго круга, который рѣшился испробовать на дѣлѣ эти правила. По нашему мнѣнію, произведенный этимъ человѣкомъ опытъ имѣть не меньшую, такъ сказать, научную цѣнность, чѣмъ замыслъ американскаго ученаго Викофа, который, чтобы изучить бытъ бѣдняка, рѣшился на два года стать чернорабочимъ. Его книга о жизни рабочаго, изданная послѣ этихъ двухъ лѣтъ, въ которыхъ онъ вынесъ неимовѣрное для изнѣженного комфортомъ человѣка (приходилось часто голодать или ёсть отбросы), явилась цѣннымъ вкладомъ въ литературу.

Опытомъ, разсказать о которомъ намъ удалось слышать, мы надѣемся, также прольется немалый свѣтъ на достоинство церковныхъ правилъ пощенія.

Передадимъ кратко слышанный разсказъ.

Разсказчикъ рѣшилъ въ теченіе пяти дней каждой недѣли Великаго поста питаться только чаемъ и хлѣбомъ разъ въ день въ обѣднное время или вечеромъ. Наиболѣе тяжелы были, конечно, первые дни. На третій день почувствовалось такое истощеніе, что руки и ноги отказывались служить. Но дальше стало легче. Только въ обычные часы ъды было очень тяжело. Но то собственно былъ не столько голодъ, сколько желаніе самого процесса ъды, наслажденія, связанного съ сѣ этимъ процессомъ. Для постника обнаружилось теперь, насколько наполняетъ собою процессъ питанія жизнь человѣка. Онъ замѣтилъ, что до сихъ порь весь его день складывался въ сущности изъ ощущеній, связанныхъ съ процессомъ питанія, (конечно если что-нибудь другое въ извѣстный день не завладѣвало всѣмъ существомъ). Главныхъ ощущеній, замѣтилъ онъ, доселѣ у него было два, чередовавшихся съ непрерывностью: послѣ принятія пищи въ душѣ доминировало чувство насыщенія; когда же оно потухало, на смѣну ему тотчасъ являлось чувство легкаго голода; послѣднее чувство было не менѣе пріятно, чѣмъ первое, такъ какъ соединялось съ перспективой скораго насыщенія. Когда теперь пришлось вырвать эту область ощущеній изъ души, въ ней оказалась страшная пустота, которую долго ничѣмъ нельзя было заполнить, никакой душевной работой. Горько и досадно становилось за такой глубокій материализмъ человѣка, незамѣчавшійся доселѣ.

Самочувствіе въ первые дни поста было очень тяжелое. На умъ не шло ничего: ни занятія, ни чтеніе, ни тѣмъ болѣе молитва. Возмущалась и бунтовала плоть, требуя всѣхъ силъ души на свое усмиреніе. Постникъ съ грустью замѣчалъ, что даже трогательныя пѣснопѣнія великопостныхъ службъ, которыя всегда проливали сладкое умиленіе въ его душу, теперь холодно ложились на нее. Казалось, не хватало въ тѣлѣ соковъ, и душа, поэтому, стала черствая, суха. „И какимъ образомъ подвижники могли называть постъ крыльями молитвы?“ приходило на мысль.

Чувствовалась страшная усталость. Не хотелось решительно ничего делать. Нужно было принуждать себя ко вся кому делу, которое прежде делалось охотно и бодро. Пришлось собрать весь остаток энергии, чтобы „опыт“ не приносил ущерба занятиямъ. Совсемъ не такъ, какъ раньше, пошло даже и чтеніе. Онъ съ трудомъ заинтересовывался книгою. Нужно было встрѣтить въ книгѣ уже действительно что-нибудь изъ ряда вонъ выдающееся, чтобы привлечь усталое вниманіе и мысль. Равнодушно читались самыя интересныя книги.

Словомъ, нормальный ходъ жизни и деятельности душевной былъ нарушенъ совершенно. Но добровольного постника это не смущало. Все это онъ предвидѣлъ отчасти. Онъ рѣшился не оставлять своего смѣлаго опыта надъ собою и терпѣливо ждать результатовъ. Томительно и скучно тянулись дни. Въ душѣ было такъ черство и пусто, что постникъ боялся анализировать ее. Ему казалось, что наполнена она однимъ противнымъ чувствомъ—томленіемъ по „мясамъ египетскимъ“.

Человѣкъ склоненъ къ преувеличеніямъ и въ самоосужденіи. Когда постникъ сталъ внимательнѣе всматриваться въ то, что происходило теперь у него въ душѣ, онъ убѣдился, что не одинъ голодъ и томленіе по яствамъ наполняютъ душу его. На общемъ фонѣ этихъ невысокихъ ощущеній онъ уловилъ одну постоянную, можно сказать неотвязную мысль. Мысль эта была мысль о Богѣ.

О Богѣ теперь онъ не могъ не думать каждую минуту и каждую секунду. То, что онъ делалъ, онъ делалъ, конечно, только для Бога. А дѣланіе это давало чувствовать себя каждую минуту, болѣзньно, тяжело давало чувствовать себя, но давало. Какой-нибудь корысти, расчета въ подобномъ дѣлѣ не могло быть. Любой актъ благотворительности можно скорѣе заподозрить въ корыстности, чѣмъ это дѣло. Изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, подвиговъ, ни одно такъ исключительно не направлено къ Богу, и къ Нему одному,

какъ это. Естественно, что и совершаю оно не можетъ быть безъ постоянной мысли и памяти о Богѣ.

Предъ мысленнымъ взоромъ постника теперь постоянно стоялъ Онъ. Онъ былъ такой же, какъ прежде, таинственный и непостижимый. Но постнику казалось, что въ чудномъ и страшномъ обликѣ, въ какомъ Богъ обычно представлялся ему, онъ сталъ находить теперь новые черты. Прежде онъ думалъ о Богѣ болѣе со стороны Его любви и прощенія. Богъ представлялся ему только любящимъ, снисходительнымъ, всепрощающимъ Отцемъ. Онъ какъ-то забывалъ о томъ, что этотъ Отецъ можетъ быть и строгимъ, что Онъ можетъ гневаться и карать людей. Теперь взоръ его какъ бы разглядѣлъ въ Богѣ эту послѣднюю черту. И по душѣ временами сталъ пробѣгать страхъ и трепетъ отъ этого неожиданнаго открытія. Онъ съ изумленіемъ убѣдился, что до сихъ поръ считалъ Бога почти до слабости снисходительнымъ Отцемъ, готовымъ прощать все и оставлять безъ наказанія самые крупные проступки своихъ строптивыхъ дѣтей. Теперь постникъ замѣчалъ, что куда бы онъ ни шелъ и что бы ни дѣлалъ, смотрѣть на него эти строгіе, хотя и доброжелательные къ нему очи. Онъ не могъ не чувствовать на себѣ постоянно этого взгляда, какъ не могъ не думать теперь о Богѣ.

Привыкнуть можно ко всему. Можно привыкнуть и питьться кускомъ хлѣба и стаканомъ воды въ день. Привыкъ и рассказчикъ мало-по-малу къ своей скучной трапезѣ. Сравнительно немного понадобилось и времени для этого: не болѣе, какъ недѣли чрезъ двѣ своего строгаго поста онъ почувствовалъ, что эта посты перестаетъ тяготить его.

Нельзя было сказать, чтобы посты совершенно не давали чувствовать себя и теперь. Правда, постникъ почти не голодалъ. Изнуреніе, удрученность, тоскливость все рѣже и рѣже появлялись. Но тѣмъ не менѣе, общее настроеніе его, настроеніе, какъ душевное, такъ и тѣлесное самочувствіе, было далеко не такое, какое бываетъ при обычномъ питаніи. Онъ

не могъ уловить, опредѣлить и назвать эту разницу. Но что разница была, и существенная, замѣтная, въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Сравнивая, себя теперешняго съ собою прежнимъ, онъ могъ замѣтить одну перемѣну. Въ немъ не появлялось теперь никогда того игриваго, самодовольнаго настроенія сытаго человѣка, которое такъ пріятно ощущать самому и которое такъ непріятно поражаетъ въ другомъ. Это то настроеніе, при которомъ человѣку хочется пощутить, посмѣяться, когда онъ отдается сладкой истомѣ покоя, ничего недѣланія, легкаго чтенія и т. п. Ко всему этому онъ чувствовалъ себя теперь совершенно неспособнымъ. Ему казалось, что въ его организмѣ теперь не было тѣхъ лишнихъ соковъ, которые порождаются это самодовольство. Ему казалось, что соковъ жизненныхъ у него осталось ровно столько, сколько нужно, чтобы тѣло слушалось души. И оно, казалось, теперь больше слушалось души. Оно какъ бы не въ силахъ было усыплять и убаюкивать душу, и послѣдняя выигрывала отъ этого: въ ней было больше бодрости, ясности, трезвости. Онъ понялъ теперь, почему свв. подвижники считали постъ первымъ условіемъ такъ называемаго „духовнаго дѣланія“. Онъ убѣдился, что постъ дѣйствительно, „источеваетъ“ тѣло и окрыляетъ душу.

Ему казалось, что теперь только началась въ его душѣ настоящая работа нравственнаго улучшенія. Первымъ шагомъ къ такому улучшенію, несомнѣнно, было то, что грѣхъ ему теперь представлялся болѣе мерзкимъ и гадкимъ, чѣмъ прежде. Грѣхъ какъ бы вдругъ сбросилъ предъ нимъ поэтическую оболочку, въ которой онъ обычно является человѣку и которая такъ искусно прикрываетъ его внутреннее безобразіе. То, что раньше, напр., казалось ему въ себѣ участіемъ къ ближнему, то теперь, при болѣе строгой оцѣнкѣ, оказывалось злорадствомъ и завистью. Ему открылись глаза на себя. Онъ сдѣлалъ себѣ правильную оцѣнку, и невысокой оказалась эта оцѣнка. Желаніе передѣлать себя стало главнымъ въ душѣ. Правда, не умерли въ душѣ ея страсти: онѣ давали такъ же

остро, какъ и ранѣе, чувствовать себя. Но центръ тяжести душевной жизни перемѣстился съ этихъ страстей на то, что есть въ душѣ божественнаго и небеснаго. Измѣнялось какъ бы цѣлое міросозерцаніе.

Наступила Страстная седмица. Близкій конецъ нелегкаго опыта увеличивалъ бодрость. Могучая сила привычки совершенно помирила тѣло съ суровымъ режимомъ. Постникъ не могъ, впрочемъ, сказать, что умилительныя церковныя службы больше прежняго дѣйствовали на него. Скорѣе нѣкоторое истощеніе въ организмѣ ослабляло впечатлѣніе ихъ. Но одна минута вознаградила его за все. На трогательнѣйшей изъ страстныхъ службъ—утрени Великой субботы—его посѣтили настоящія слезы умиленія. Онъ запомнилъ и моментъ службы, въ который испыталъ это невѣдомое доселе блаженство. То было при чтеніи слѣдующаго стиха изъ такъ называемой „статіи первой“ „похвалъ“: „На землю сшелъ еси, да спасеши Адама, и на земли не обрѣтъ сего, Владыко, даже до ада снизшелъ еси ищаяй“¹⁾). Стихъ, дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ поэтическихъ въ цѣлой службѣ. Онъ и ранѣе останавливалъ вниманіе разскazчика своей глубиною и красосою. Но всегда, прежде и послѣ, этотъ стихъ трогалъ его въ такой степени, какъ десятки другихъ возвышенныхъ мѣстъ въ богослуженіи,—можетъ быть, немного больше. Теперь же изображаемая здѣсь любовь Христа и глубина паденія человѣческаго, завлекшая въ адъ Самого Бога, представали сознанію въ такой яркости и силѣ, такъ задѣли душу, что нельзя было удержать плача. Читавшій кое-что по аскетикѣ, онъ зналъ о слезахъ умиленія, зналъ, что это слезы сладкія, слезы какого-то восторга. Но онъ не могъ представить себѣ, что въ нихъ разлито такое неземное блаженство, и что сладость ихъ такъ неописуемо высока. Не болѣе одной или двухъ минутъ лились изъ глазъ его эти благодатныя слезы, но блаженство этихъ двухъ минутъ, больше не повторявшееся въ

¹⁾ Похвала 25-я.

его жизни, вполнѣ стоило, по его мнѣнію, сорока дней тяжелаго поста.

Описанный „опытъ“ показываетъ, что правила пощенія, даваемыя нашимъ уставомъ, хотя дѣйствительно нелегки и суровы, но обѣщаютъ многое за свое выполненіе. Но само собою разумѣется, что они едва ли могутъ расчитывать на широкое примѣненіе. Возможно даже, что для иного организма они были бы и не безвредны. Самъ „уставъ“ считается съ такими ограниченіями, и даетъ послабленіе для немощныхъ; такъ напр., старымъ, малолѣтнимъ и больнымъ онъ разрѣшаетъ вкушать пищу и во вторникъ 1-ой седмицы вечеромъ, т. е. сокращаетъ полное неяденіе до $1\frac{1}{2}$ сутокъ. Но дальше этого льготы не идутъ. Нигдѣ не дано позволенія ради слабости вкушать не то, чтобы масло и молоко въ теченіе поста, но даже рыбу и постное масло (въ дни, когда запрещается оно). Извѣстный толкователь церковныхъ каноновъ Вальсамонъ, патриархъ Александрійскій, говорить: „не позволяетъ никому, даже въ случаѣ смертной болѣзни, въ Четыредесятницу Ѵсть мясо; мы видимъ, что о семъ въ разныя времена было спрашиваемо на соборахъ, но не дано позволенія“¹⁾.

Обычно противъ обязательности постовъ, и въ частности Великаго, выставляютъ въ качествѣ возраженія идею христіанской свободы. Нельзя спорить, что христіанство не считается внѣшній культь столь же обязательнымъ, какъ это дѣлалъ Моисеевъ законъ. Но нельзя упускать изъ виду и того, что посты не обрядъ лишь, а средство, и очень сильное, нравственного воспитанія. Да и можно ли сказать, что обрядъ совершенно не нуженъ христіанству? Не забудемъ, что и таинство имѣть внѣшнюю, обрядовую сторону и безъ нея, по убѣжденію Православной Церкви, не совершается. Невозможно пріобщиться Тѣла и Крови Христовой безъ хлѣба и вина. Нельзя получить прощенія грѣховъ помимо исповѣди,

¹⁾ Epist. de jejun. Coteler. Monum. eccles. Gr. T. II.

креститься безъ воды и т. п. Такъ и относительно поста всегда было убѣженіе въ христіанствѣ и Церкви, что онъ не только полезенъ, но и необходимъ для спасенія, и что совершенно и никогда не поститься христіанинъ не можетъ. Какъ мы видѣли, постомъ дается душевной жизни и развитію нѣчто такое, что другимъ путемъ она не можетъ получить.

Такъ же неосновательно нѣудовольствіе на Церковь за точное установленіе времени и сроковъ для поста. Постъ общественный настолько же выше и сильнѣе частнаго, какъ молитва общественная частной. Кто не хочетъ общественныхъ постовъ, долженъ отказаться или признать излишнимъ и все наше чудное богослуженіе.

„Нѣкто входитъ въ городъ и находить, что тамъ постятся: онъ заканчиваетъ постъ вмѣстѣ съ ними“, требуетъ Талмудъ¹⁾). Но этого требуетъ и нравственная, такъ сказать, деликатность къ окружающимъ. Хомяковъ говорилъ, что нравственная солидарность съ Церковью не позволяла ему отдѣляться отъ массы вѣрующихъ въ постъ, хотя онъ и не сознавалъ вполнѣ пользы его.

§ 2. Продолжительность поста въ историческомъ развитіи.

Если „слова учать, а примѣры побуждать“, то въ жизни христіанской Церкви не могло быть такого времени, когда бы она не имѣла постовъ. Картина безбрежной, выжженной іерихонской пустыни съ воющими шакалами, усѣянной скорпионами, пугливо обходившими истощенного Человѣка съ поникшей отъ великой думы головой слишкомъ потрясающа и для современного художника²⁾, чтобы она не стояла всегда предъ глазами вѣрующаго тѣхъ временъ, когда не могли думать и говорить ни о чёмъ другомъ, кромѣ Христа.

¹⁾ Таанith, III, 5.

²⁾ Русская живопись не разъ блестяще использовала этотъ сюжетъ.

Начинаясь (въ приготовительныхъ своихъ недѣляхъ) едва не сразу послѣ праздника Крещенія, продолжаясь 40 дней, Великій постъ составляетъ столь явное подражаніе посту Христову, что неудивительно, если древніе церковные писатели считали его „установленіемъ Божественнымъ“, должно быть видя въ постѣ Спасителя обязательный для насъ примѣръ для подражанія. „Въ теченіе сорока дней, по законамъ Царя Христа, предлагается врачевство для очищенія плоти“, говорить св. Григорій Богословъ¹⁾. По словамъ св. Амвросія, Христосъ постился, дабы „научить насъ полезному дѣлу не словами только, но и примѣромъ, дабы мы тѣми же стопами, коими течемъ къ вѣрѣ, совершили шествіе и къ воздержанію“²⁾. Петръ Хрисологъ называетъ Четыредесятницу „не человѣческимъ изобрѣтеніемъ, а уставомъ Божественнымъ“³⁾.

Но вѣрно замѣчаетъ Іоаннъ Златоустъ: „Христосъ не говоритъ, что должно подражать Ему въ постѣ, хотя Онъ могъ бы сослаться на тѣ 40 дней; но—„научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“. Даже напротивъ, посылая апостоловъ на проповѣдь, не сказалъ: поститесь—а „все предлагаемое вамъ ядите“⁴⁾. Высокую духовность основанной Имъ вѣры Спаситель умалилъ бы, не такъ безконечно возвысилъ бы ее надъ всѣми когда-либо существовавшими религіями, не исключая и ветхозавѣтной, и древней буддійской, если бы Онъ установилъ хотя одинъ день обязательного поста. Нежеланіе сдѣлать это тѣмъ характернѣе для Спасителя, что Онъ не могъ Себѣ представить Своихъ учениковъ совершенно не постыдившимися, въ такой же степени, какъ и не молящимися. Дать полную свободу въ удо-

¹⁾ Стихотвореніе „На постное молчаніе“. јеофіль въ пасх. письмѣ и Кириллъ Александрійскіе говорятъ, что мы постимся въ Четыредесятницу „по евангельскимъ и апостольскимъ преданіямъ“.

²⁾ Слово 34.

³⁾ Слово 11.

⁴⁾ На ев. Матея, бес. 47.

влетвореніи и такихъ неискоренимыхъ потребностей человѣческаго духа, какъ молитва и посты, это значило сообщить новой религії неслыханную еще дотолѣ свободу и духовность.

Если апостолы вѣрно поняли духъ ученія Своего Господа (а ихъ потому и выбрано такъ мало, что понимать этотъ духъ такъ, какъ они, другіе не были въ состояніи), то и они не могли устанавлять постовъ, какъ и праздниковъ. „Наблюдаете дни, мѣсяцы, времена и годы. Боюсь за васъ, не напрасно ли я трудился у васъ“, съ горечью пишетъ ап. Павелъ галатамъ¹⁾. Апостолъ обличаетъ ихъ не за соблюденіе іудейскихъ субботъ, новомѣсячій, праздниковъ и субботнихъ годовъ, а за чисто-законническое стремленіе къ скрупулезной точности въ опредѣленіи ихъ сроковъ²⁾. Если не съ такою ревностью, какъ „столпы“ Іерусалимской Церкви, Іаковъ Праведный, Петръ, то все же съ безупречной аккуратностью ап. Павелъ самъ соблюдалъ іудейскіе праздники, прерывая для нихъ и свои апостольскія путешествія³⁾. Но онъ настаивалъ на полной свободѣ христіанъ въ отношеніи ко всѣмъ священнымъ временамъ. „Иной различаетъ день отъ дня, а другой судить о всякомъ днѣ (равно). Всякий (поступай) по удостовѣренію своего ума. Кто различаетъ дни, для Господа различаетъ [празднуя ихъ въ честь Его]; и кто не различаетъ дней, для Господа не различаетъ“⁴⁾, благодаря Его въ сердцѣ за дарованную Новымъ Завѣтомъ свободу въ этомъ отношеніи.

Опасенія ап. Павла, что онъ „напрасно трудится“ для утвержденія въ умахъ христіанъ идеи христіанской свободы, не сбылись, какъ того, впрочемъ, онъ и самъ не могъ не предвидѣть, если вѣрилъ въ будущность Церкви. Чѣмъ дальше, тѣмъ съ большей свободой христіане стали относиться къ

¹⁾ 4, 10—11.

²⁾ „Наблюдаете“—παρατηρεῖθε (подстерегать, сторожить).

³⁾ Дѣян. 20, 16. 1 Кор. 16, 8.

⁴⁾ Рим. 14, 5. 6.

иудейскимъ праздникамъ, замѣняя ихъ своими. Уже и во времена апостоловъ „день Господень“ заслоняетъ собою субботу¹⁾, хотя она соблюдается въ Церкви едва не до V в.²⁾. Получивъ право отъ Своего Основателя и непосредственныхъ продолжателей Его дѣла—самой выработать себѣ весь культь, Церковь какъ бы предоставила сдѣлать это времени и постепенному развитію своей жизни, благодаря чему всѣ учрежденія ея, будучи запечатлѣны настолько духомъ Христовымъ и апостольскимъ, что невольно срываются съ усть эпитеты „Божественный“, „апостольскій“, являются созданіями ея самой, плотью отъ плоти ея, дорогимъ памятникомъ и наслѣдіемъ ея вѣковой жизни.

Такимъ свободнымъ созданіемъ Церкви является и Великій постъ. Время установленія его въ Церкви до сихъ поръ составляетъ для исторіи загадку. Но уже въ XVII вѣкѣ археологія отвергла общераспространенное ранѣе мнѣніе объ апостольскомъ происхожденіи этого поста.

Мнѣніе это основывалось главнымъ образомъ на 69 апостольскомъ правилѣ, которое изрекаетъ осужденіе на не постящихся въ Четыредесятницу. Кромѣ того такіе древніе писатели, какъ бл. Иеронимъ и папа Левъ I (440—461 г.), называютъ Четыредесятницу первый—постомъ „по преданію апостоловъ“³⁾, а второй—„апостольскимъ установленіемъ“⁴⁾. Но относительно правилъ апостольскихъ, уже давно установлено наукою, что они, выражая вѣрно духъ апостольского ученія, не могли произойти ранѣе II в., а по мѣстамъ носить на себѣ слѣды практики и III—IV вѣка. Что же ка-

¹⁾ Дѣян. 20, 7. Апок. 1, 10. Посланіе ап. Варнавы 16 гл.: „мы проводимъ въ радости восьмой день, въ который Иисусъ воскресъ изъ мертвыхъ“.

²⁾ Пост. апост. кан. VIII, гл. 33.

³⁾ „Secundum traditionem apostolorum“. Письмо къ Марцеллѣ.

⁴⁾ „Apostolica institutio“. Sermo VI de Quadrag. Въ другомъ же мѣстѣ св. Левъ говоритъ, что постъ въ Четыредесятницу „установленъ апостолами по наставлению Духа Святого“ (sermo IX).

сается свидѣтельствъ бл. Иеронима и Льва Великаго; то наименование „апостольскій“ въ ихъ устахъ часто было только почетнымъ титуломъ; а не исторической маркой: о св. Львѣ замѣтимъ, что онъ называется апостольскимъ установлениемъ все издавна соблюдавшееся въ его Церкви и даже завѣдомо заведенное его предшественниками: свв. Дамасомъ (366—384) и Сирицемъ¹⁾ (384—398); бл. же Иеронимъ самъ признаетъ широкую неопределеннность понятія „апостольскій“, замѣчая, что правило о постѣ въ субботу, однѣми церквами соблюдалось, а другими нѣтъ, тѣмъ и другимъ возводилось къ апостоламъ²⁾.

Если бы во времена апостоловъ существовалъ Великій постъ хотя бы въ зачаточномъ видѣ, какъ нѣчто общераспространенное и общепризнанное, то гдѣ-нибудь въ посланіяхъ ихъ было бы какое-либо указаніе на него, какъ въ этихъ посланіяхъ содержатся немалочисленныя указанія на разные обычай въ тогдашнихъ церквяхъ, на богослужебную практику (евхаристію), на празднованіе воскреснаго дня.

Если посланія апостольскія могли обойти молчаніемъ такой постъ, не смотря на то, что о немъ былъ поводъ сказать, когда рѣчь заходила о воздержаніи вообще (напр. у ап. Павла о воздержаніи отъ мяса, отъ вина), то по крайней мѣрѣ у ближайшихъ къ апостоламъ писателей, у такъ называемыхъ мужей апостольскихъ и въ современныхъ имъ памятникахъ, не могло не встрѣтиться упоминаніе объ этомъ постѣ. Можно сказать, каждый изъ этихъ писателей имѣлъ поводъ въ сохранившихся отъ него писаніяхъ говорить объ этомъ предметѣ, и не говорилъ. Въ посланіи ап. Варнавы двѣ главы (изъ 21) занимаются специально постами, приводятся всѣ мѣста Ветхаго Завѣта о постахъ и между ними

¹⁾ Bingham Jos. Origines sive antiquitates ecclesiasticae, vol. IX, Halae 1729, стр. 190.

²⁾ Пис. къ Луц.

грозное опредѣленіе Левитъ 23, 29: „кто не будетъ поститься постомъ, смертю потребится“ ¹⁾ и ничего не говорится объ обязанности христіанъ поститься; напротивъ доказывается ²⁾, что постъ долженъ состоять въ дѣлахъ милости. Въ „Пастырѣ“ Ерма, памятникѣ тоже I вѣка, одинъ отдѣлъ (изъ числа такъ называемыхъ тамъ 10 „подобий“, кромѣ которыхъ есть еще 4 видѣнія и 12 заповѣдей) посвященъ посту и въ немъ находяться, глухое впрочемъ, указаніе на постъ среды и пятницы: Ермъ говоритъ Пастырю, что находится „на стояніи“, объясняя, что это значитъ „постится“; а между тѣмъ извѣстно, что уже во времена Тертулліана среда и пятница назывались „днями стояній“ ³⁾). Такимъ образомъ здѣсь, гдѣ можно было бы ожидать упоминанія о постѣ Четыредесятницы, нѣтъ такого упоминанія ⁴⁾.

Нынѣ въ наукѣ самымъ драгоцѣннымъ и неповрежденнымъ изъ древнихъ памятниковъ считается такъ называемое „Ученіе 12 апостоловъ“ (открытое только въ 1875 году въ рукописи XI вѣка). Написанное по признанію самыхъ строгихъ критиковъ (отвергающихъ подлинность или неповрежденность евангелій и посланій апостольскихъ) не позднѣе конца I или начала II вѣка, оно служить лучшимъ показателемъ практики церкви первого послѣ-апостольского периода. Въ немъ три раза идетъ рѣчь о постѣ и тоже не упоминается о Четыредесятнице, тогда какъ дается прямое предписаніе поститься въ среду и пятницу ⁵⁾). Нѣтъ о ней упоминанія и въ другомъ, нынѣ очень цѣнномъ древнехристіан-

¹⁾ Посланія гл. 7.

²⁾ Гл. 3.

³⁾ Do jejun. с. XIV.

⁴⁾ Не понятно, почему прот. Дебольскій видитъ въ этомъ мѣстѣ „Пастыря“ Ермы рѣчь о св. Четыредесятнице („Дни богослуженія Прав. каѳол. Вост. Церкви, изд. 6, Спб. 1866, ч. 2, стр. 19).

⁵⁾ Гл. 6, 7 и 8.

⁶⁾ Τετράδος καὶ παρασκευὴν, гл. 8. Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, herausg. v. Gebhardt u. Harnack. Leipzig 1886, II Band, S. 25.

скомъ памятникъ, такъ называемыхъ „Канонахъ церковныхъ св. апостоловъ“¹⁾), составляющихъ очень раннюю переработку „Ученія 12 апостоловъ“; впрочемъ въ этомъ памятнике нѣтъ вообще рѣчи о постахъ. Нѣтъ о постахъ рѣчи (следовательно не могло быть упоминанія и о Великомъ постѣ) и въ посланіяхъ св. Игнатія Богоносца († 107 или 115 г.). Такое указаніе находится только въ посланіи съ его именемъ къ Филиппійцамъ („Четыредесятницы не пренебрегайте: она служить подражаніемъ жительству Христову“), но подложность его давно доказана²⁾.

Самымъ раннимъ свидѣтельствомъ о Четыредесятницахъ является такимъ образомъ посланіе св. Иринея Ліонскаго († 202 г.) къ папѣ Виктору (189—198 г.) по поводу споровъ о времени празднованія Пасхи, приводимое Евсевиемъ въ его „Церковной исторіи“³⁾. Признавая, что „тайство воскресенія Господня“ нужно праздновать только въ день воскресный, онъ просить Виктора не исключать изъ своего общенія цѣлыхъ церкви, которые соблюдаются унаслѣдованный отъ предковъ обычай, т. е. празднуютъ Пасху въ 14-й день первого весеннаго луннаго мѣсяца, какъ евреи, въ какой бы день недѣли это полнолуніе ни пришлось. Представивъ много доводовъ къ своей просьбѣ, св. Ириней продолжаетъ буквально такъ: „ибо дѣло идетъ не только о днѣ, но и о томъ, какъ нужно поститься; именно одни думаютъ, что нужно поститься только одинъ день, другие—два дня, иные—еще больше; некоторые же исчисляютъ этотъ день свой въ 40 часовъ дневныхъ иочныхъ (οἱ δὲ τεσσαράκοντα ὥρας ἡμερινάς τε καὶ νυχ-

¹⁾ Κανόνες εκκλησιαστικі тѣн агіон апостольон. Тамъ же, S. 225—237.

²⁾ Обстоятельство, не оговоренное въ ссылкѣ на это посланіе у прот. Дебольского (цит. соч. стр. 11), между тѣмъ какъ и въ русскомъ переводе „Писаній мужей апостольскихъ“ свящ. И. Преображенского (Москва, 1862 г.) это посланіе, какъ подложенное, не помѣщено.

³⁾ V, 24, 11—18.

теріа; симетроūс: т̄н ұмéraу а́тшн)“. Пасхальный постъ по этому мѣсту во время св. отца продолжался гдѣ день, гдѣ два, гдѣ еще дольше; гдѣ обнималъ промежутокъ времени въ 40 часовъ. Три изъ этихъ четырехъ дать вполнѣ ясны. Только послѣдняя выражена такъ, что допускаеть, по крайней мѣрѣ допускала, другое пониманіе. Именно Руфинъ († 410), первый и древнѣйший переводчикъ „исторіи“ Евсевія на латинскій языкъ, младшій современникъ самого автора ея, передаетъ послѣднюю фразу Иринея такъ: „нѣкоторые же 40, такъ что опредѣляютъ день считая часы дневные и ночные“. Слѣдовательно Руфинъ усматривалъ у Иринея здѣсь указаніе на 40-дневную продолжительность предпасхального поста, достигая этого просто постановкой знака препинанія послѣ слова τεσσαράκοντα („сорокъ“) и видя въ послѣднихъ словахъ мысль о томъ, что постились не только въ теченіе дневныхъ часовъ, но и ночныхъ.

Сразу видно, что для такой мысли послѣдняя слова Иринея давали бы очень странное и даже прямо невозможное выраженіе. Если св. отецъ хотѣлъ выразить мысль, что христіане постились не только до вечера, какъ то дѣлали евреи въ день очищенія, но продолжали постъ до поздней ночи, то долженъ былъ сказать, что христіане постились весь день и часть ночи. Къ чему здѣсь рѣчь о „часахъ“, если не указывается количество ихъ? Зачѣмъ странное выраженіе „исчисляютъ“ (бук. „сorазмѣряютъ“)? Какой смыслъ имѣть прибавка „свой“ къ „день“? Да и возможно ли было поститься въ теченіе 40 дней по цѣлымъ суткамъ обыкновеннымъ смертнымъ. Въ житіяхъ свв. постниковъ разсказывается, какъ обѣ особенно рѣдкихъ явленіяхъ даже среди нихъ, о столь продолжительномъ постѣ, для котораго дѣйствительно нужна была сила духа, подобная Моисеевой, Иліиной и Христовой.

Всѣ эти странности въ выраженіи св. Иринея отпадаютъ, если видѣть въ этомъ мѣстѣ рѣчь обѣ обычай нѣкоторыхъ христіанъ поститься предъ Пасхой не день и не два

или нѣсколько, а ровно 40 часовъ. Тогда, какъ одни и большинство измѣряли (сурметроуби) свой постъ днями, другіе измѣряли его часами, постясь за то не одну или нѣсколько такихъ единицъ времени, а символическое, освященное столькими высокими примѣрами поста—число 40 и замѣняя, по немоющи своей, дни часами. Странныя для пониманія Руфина¹⁾ слова „часы“, „измѣряютъ“ получаютъ при настоящемъ пониманіи самый естественный смыслъ, равно какъ и выражение „день свой“: сорокачасовый постъ можетъ быть названъ однимъ днемъ поста, только днемъ своеобразнымъ („свой“). Кромѣ того, при такомъ пониманіи между практикою поста у разныхъ христіанъ (вѣроятно у христіанъ разныхъ помѣстныхъ церквей) не будетъ такой непроходимой разницы, какая была бы если бъ въ одномъ мѣстѣ постились одинъ, два или „больше“ дней, а въ другихъ цѣлыхъ 40. Самое слово „больше“ (*πλειονας*) въ сопоставленіи съ 1 и 2 не можетъ означать болѣе 3, 4 и т. д.

Такимъ образомъ въ постѣ временъ Иринея мы видимъ уже основное зерно св. Четыредесятницы. Тогда уже повсемѣстно существовалъ предпасхальный постъ, по времени и продолжительности своей соотвѣтствовавшій теперешнимъ Великимъ пятницѣ и субботѣ; по мѣстамъ даже этотъ постъ былъ еще длиннѣе и могъ доходить до цѣлой недѣли предъ Пасхой, соотвѣтствовавшей нынѣшней Страстной седмицѣ. Это и естественно было, чтобы Великій постъ начался съ установленія важнѣйшей части его Страстной седмицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ уже, что въ это время, такъ сказать, въ воздухѣ носится среди христіанъ и идея поста сорока-дневнаго въ подражаніе посту Христову. Если такой постъ

¹⁾ Его пониманіе изъ новѣйшихъ историковъ. Великаго поста раздѣляютъ *Probst* (*Kirchliche Disciplin in den drei ersten christlichen Jahrhunderten*, 1873, S. 269—281), и *Weitzel* (*Die christliche Passafeier*, 1848). Но лучшіе археологи ужс XVII вѣка и между ними упоминавшій *Bingham* оспаривали пониманіе Руфина.

опредѣляется не въ 40 дней, а въ 40 часовъ, то это вслѣдствіе того, что, какъ увидимъ впослѣдствіи, тогда не представляли себѣ поста иначе, какъ въ видѣ полнаго пеяденія, каковыми были посты и въ церкви ветхозавѣтной, этой матери по отношенію къ христіанской Церкви. Провести же совершенно безъ пищи болѣе двухъ—трехъ дней было небезопасно для здоровья.

Первый свидѣтель о предпасхальномъ постѣ, св. Ириней, какъ мы видѣли, застаетъ этотъ постъ далѣко немолодыемъ. Онъ имѣеть уже общее распространеніе въ христіанской Церкви, тогда едва не охватывавшей самыя отдаленные провинціи „всемірной“ имперіи. Для такого широкаго распространенія требовалось немалое время. Слѣдовательно первые зачатки этого поста, начало его, теряются для нась въ священномъ мракѣ первыхъ двухъ вѣковъ христіанства.

Объ этомъ началѣ можно строить лишь догадки и предположенія, безъ которыхъ, впрочемъ, ни одна наука, и исторія въ томъ числѣ, обойтись не можетъ.

Одно незначительное явленіе церковной жизни II вѣка можетъ пролить намъ нѣкоторый свѣтъ на первое возникновеніе и первоначальную форму предпасхального поста. Это тѣль самыи споръ о временіѣ празднованія Пасхи, по поводу котораго св. Ириней и писалъ свое посланіе. Споръ возникъ по поводу того, что, тогда какъ почти вся Церковь праздновала Пасху въ первый воскресный день послѣ еврейской пасхи, малоазійскіе христіане праздновали ее вмѣстѣ съ еврейской. Соблазнъ отъ такой разницы производился главнымъ образомъ, какъ разсказываетъ Евсевій въ своей „Исторії“, тѣмъ обстоятельствомъ, что азійцы и постъ предпасхальный оканчивали въ тотъ (χατὰ ταῦτη) день¹⁾, съ котораго христіане, по Иринею, именно и начинали его.

¹⁾ V, 23, 1. „Катѣ“ въ значеніи „въ“ при опредѣленіяхъ времени въ Мк. 27, 15. Деян. 16, 25.

Малоазійські христіане потому такъ упорно и отстаивали свою практику, не взирая на ея одиночество, что знали за ней глубокую, такъ сказать, незапамятную для нихъ древность. Между тѣмъ св. Поликарпъ Смирнскій († 167) застаетъ этотъ споръ въ такомъ разгарѣ, что изъ-за него предпринимаетъ путешествіе въ Римъ для возстановленія мира между церквами. Все это заставляетъ искать нача-
ла для празднованія пасхи не позднѣе, чѣмъ въ I вѣкѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пасхальный споръ II в. показываетъ, въ какой тѣсной связи съ празднованіемъ Пасхи стоялъ предпасхальный постъ. На самый праздникъ смотрѣли собственно, какъ на разрешеніе отъ поста. Въ этомъ отношеніи очень характерно, что во времена св. Епифанія Кипрскаго существовала одна вѣтвь четырнадцатидневниковъ (такъ называны были сторонники празднованія Пасхи вмѣстѣ съ евреями, 14 нисана, отковавшіеся изъ-за этого отъ Церкви; по-латыни—quartodecimani), которая однимъ днемъ—14 нисана—ограничивала и предпасхальный постъ, и самый праздникъ Пасхи. Если четырнадцатидневники II вѣка были правы въ своемъ спорѣ съ тогдашнею римскою церковью относительно древности своей практики, то возможно, что упоминаемая св. Епифаніемъ вѣтвь квартодецимановъ сохранила наиболѣе древнюю практику предпасхального поста. Противъ такого предположенія ничего не можетъ говорить то обстоятельство, что Церковь осуждала квартодецимановъ, какъ еретиковъ (точнѣе, какъ раскольниковъ): она осудила ихъ не за вѣрность старинѣ, а за разрывъ изъ-за нея церковнаго единства. Ихъ постигла судьба нашихъ раскольниковъ...

За глубокую древность практики квартодецимановъ говорить ея крайняя простота. Когда естественнѣе всего было почтить смерть Христову постомъ, какъ не въ день этой смерти, и когда естественнѣе всего было праздновать Пасху христіанскую, какъ не въ день Пасхи ветхозавѣтной, прообразовавшей ее? У церковныхъ писателей II—III вѣковъ замѣчается (какъ увидимъ ниже) странное употребленіе слова

„пасха“: пасхою они называют предпасхальный постъ. Это словоупотреблениe можно объяснить только, какъ отголосокъ того времени, когда чествование смерти и воскресенія Христова происходило въ одинъ день, потому что невозможно предполагать, чтобы Церковь когда-либо могла имѣть двѣ Пасхи въ году. Больше того: даже въ нынѣшнемъ церковномъ уставѣ есть слѣды такого соединенія лишь на первый взглядъ несоединимыхъ вещей. Величайшимъ изъ дней Всѣаго поста, а слѣдовательно и печальнѣйшимъ изъ нихъ является, конечно, Великая пятница, а слѣдующимъ за нимъ въ этомъ отношеніи—Великая суббота, единственная суббота въ году, въ которую положенъ постъ, даже въ формѣ сухояденія, и литургія совершается послѣ вечерни (т. е. по идеѣ совсѣмъ не совершается въ этотъ день, такъ какъ съ вечерни начинается слѣдующій церковный день). И вотъ въ первый изъ этихъ величайшихъ постныхъ дней, въ Великую пятницу совершается вечерня совершенно праздничнаго типа (со входомъ, съ праздничнымъ порядкомъ ектеній: сначала сугубая, а послѣ просительная), притомъ даже самаго высшаго изъ праздничныхъ типовъ—съ чтеніемъ апостола и евангелія, что дѣлается на вечерняхъ только трехъ величайшихъ праздниковъ церковнаго года: Пасхи, Рождества Христова и Крещенія. Утрена же Великой субботы не только праздничнаго типа (великое славословіе), но по своей торжественности уступаетъ въ теченіе года только пасхальной утренѣ; кромѣ того на ней поется цѣлый рядъ воскресныхъ пѣсней: тропарь „Егда снизшелъ еси“, тропари: „Ангельскій соборъ“, воскресный сѣдаленъ „Гробъ Твой, Спасе“, и два воскресныхъ прокимна и аллилуліарій изъ стиховъ 67 псалма „Да воскреснетъ Богъ“. Все это можно считать отголоскомъ той древней церковной практики, когда празднованіе Пасхи совершалось въ вечеръ того дня, который былъ постомъ въ воспоминаніе распятія Господня и который весь назывался Пасхой. Пасха, слѣдовательно, была тогда полу-печальнымъ, полурадостнымъ торжествомъ, иначе сказать на-

столько же радостнымъ, насколько печальнымъ, какова была и вся жизнь тогдашнихъ христіанъ, мѣшившихъ слезы небесной радости о Богѣ со слезами нестерпимаго земного горя.

Иною и не могла быть первоначальная Пасха христіанъ, какъ этимъ соединенiemъ поста и радости въ одинъ день. Легко представить себѣ, что должны были чувствовать первые христіане, еще не оставившie еврейскихъ праздниковъ, при наступлениі 14 нисана. Воспоминанія столько же грустныя, сколько радостныя и свѣтлыя должны были тѣсниться въ этотъ день въ ихъ души. Образъ Распятаго въ этотъ день смынялся образомъ Воскресшаго съ словомъ „радуйтесь“ на устахъ. Пасхальный агнецъ напоминалъ закланнаго на крестѣ Агнца Божія. Хотѣлось вмѣстѣ и плакать, поститься, и радоваться, торжествовать. Въ тѣ часы этого дня, когда Божественный Страдалецъ истаевалъ въ предсмертныхъ мукахъ на крестѣ, естественно было поститься; подъ вечеръ же дня, когда Онъ почилъ отъ дѣлъ новотворенія и началъ Свое субботствованіе во гробѣ, прилично было, какъ оно и теперь дѣлается въ Православной Церкви, начать радость воскресенія.

Итакъ, вотъ наиболѣе древнее, по всей вѣроятности, зерно Великаго поста: тѣ нѣсколько часовъ 14 нисана, въ которые Спаситель висѣлъ на крестѣ. Этимъ предположенiemъ хорошо объяснялось бы и то, почему при св. Иринеѣ нѣкоторые „измѣряли“ предпасхальный постъ часами. Такъ какъ апостолы праздновали іудейскіе праздники, то въ такомъ видѣ начало этому посту могло быть положено и ими. Отсюда всегдашнее убѣжденіе Церкви въ апостольскомъ происхожденіи этого поста.

Вторымъ по древности свидѣтельствомъ о предпасхальномъ постѣ являются три мѣста изъ сочиненій Тертулліана († 220 г.). Сдѣлавшись монтанистомъ, Тертулліанъ написалъ въ защиту монтанистовъ, которыхъ православные обвиняли между прочимъ въ установлениі новыхъ, не преданныхъ отъ

отцовъ постовъ и при томъ продолжительныхъ (съ тенденцией къ усиленію церковной дисциплины), специальное сочинение „О постахъ“. Въ немъ онъ между прочимъ въ защиту монтанистовъ говоритьъ, что посты не чужды и церковнымъ христіанамъ. „Они думаютъ, что въ самомъ Евангелии назначены для поста тѣ дни, въ которые „отнятъ былъ Женихъ“; и только эти дни считаются они законными днями поста христіанского“ ¹⁾; „но“, замѣчаетъ полемистъ въ другомъ мѣстѣ своего труда, „я нахожу васъ постящимися и помимо Пасхи сверхъ (*citra*) тѣхъ дней, въ которые отнять Женихъ: вы соблюдаете и полуосты стояній (*stationum*, т. е. среды и пятницы), а иногда довольствуетесь хлѣбомъ и водою, какъ кому угодно; вы, конечно, скажете, что это нужно дѣлать по произволенію, а не по приказанію“ ²⁾. Въ сочиненіи „О молитвѣ“, написанномъ въ домонтантическій періодъ, Тертулліанъ замѣчаетъ, что обычное лобзаніе другъ съ другомъ послѣ молитвы „мы справедливо оставляемъ въ день Пасхи, въ который установленъ общій и какъ бы общественный постъ“ ³⁾. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ у Тертулліана явно рѣчь о постѣ предпасхальномъ или, какъ его точнѣе слѣдовало назвать по тогдашней терминологіи, постѣ пасхальному, который падалъ на день пасхи іудейской, день смерти Христовой; эту пасху, проводимую въ постѣ, впослѣдствіи стали отличать отъ пасхи воскресенія подъ именемъ „крестной“. Но постъ не ограничивался однимъ днемъ смерти Христовой, а продолжался нѣсколько дней. Тертулліанъ не называетъ числа этихъ дней, но указываетъ принципъ для количества ихъ. Этотъ принципъ не только даетъ возможность точно установить продолжительность пасхального поста, но и освѣщаетъ передъ нами тѣ основанія, какія находила тогдашняя Церковь въ самомъ евангеліи для этого поста и

¹⁾ De jejun. c. II.

²⁾ C. XIII.

³⁾ De orat. c. XIV.

которая, слѣдовательно, и побудили ее къ установлению его. Одному Тертулліану обязаны мы сохраненіемъ для насть этой драгоценной справки изъ внутренней исторіи Великаго поста, и его свидѣтельство для насть тѣмъ важнѣе, что относится къ тому раннему періоду этой исторіи, когда въ сознаніи Церкви не могла не быть еще очень свѣжей память объ установлении поста.

Отъ Тертулліана мы узнаемъ, что общепризнаннымъ основаніемъ для храненія предпасхального поста въ его времѧ, а, слѣдовательно, и самымъ вѣроятнымъ мотивомъ для сравнительно такъ недавняго установлениа его, были слова Христовы въ отвѣтъ на упрекъ отъ Іоанновыхъ учениковъ Ему за отсутствіе въ Его св. общинѣ какихъ-либо постовъ: „могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго, пока съ ними женихъ; но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будуть поститься“ (Мо. 9, 15). Понимая съ трогательной простотой и буквальностью подъ „днями“, въ которыхъ былъ отнятъ Женихъ“ отъ апостольской Церкви небольшой промежутокъ времени, протекшій отъ смерти Спасителя до Его воскресенія, и пришли къ мысли поститься тогда. Этотъ промежутокъ времени не могъ быть болѣе двухъ дней, и то неполныхъ, такъ какъ Христосъ умеръ подъ вечеръ пятницы, а въ субботу ночью воскресъ. А по количеству часовъ этотъ промежутокъ почти отвѣчаетъ тѣмъ 40 часамъ, которыми, по свѣдѣніямъ св. Иринея, въ нѣкоторыхъ церквяхъ ограничивали продолжительность предпасхального поста.

Мы видимъ, что Тертулліанъ не знаетъ еще настоящей, въ собственномъ смыслѣ слова, четыредесятницы, а только такой же небольшой зачатокъ ея, какъ и Ириней. Можно сказать и болѣе: предпасхальный постъ у Тертулліана и не болѣе продолжительный, чѣмъ у Иринея, и не болѣе, чѣмъ у него, установившійся. Правда, Тертулліанъ не указываетъ продолжительности предпасхального поста. Это умолчаніе его находить возможнымъ объяснить въ томъ смыслѣ, что у пра-

вославныхъ, съ которыми онъ полемизировалъ, уже существовала Четыредесятница; иначе онъ, какъ монтанистъ и обвинитель ихъ, не преминулъ бы поставить въ упрекъ своимъ противникамъ отсутствіе ея¹⁾). Этотъ аргументъ, справедливо замѣчаетъ новїйшій нѣмецкій историкъ Великаго поста *Функъ*²⁾, переворачиваетъ вверхъ дномъ положеніе дѣла. Если Тертулліану нужно было предъ короткими церковными постами оправдать болѣе продолжительные монтанистические, то онъ долженъ былъ указать на самую длинную практику, какая гдѣ-либо существовала, и уже никакъ не могъ оставить безъ упоминанія никакой церкви, если бы она тогда имѣла уже сорокадневный постъ; противниковъ своихъ онъ проще и быстрѣе всего поразилъ бы, сдѣлавъ такое замѣчаніе: практика поста у монтанистовъ, которыхъ обвиняютъ въ незаконномъ новшествѣ, не идетъ такъ далеко, какъ церковная, такъ какъ ихъ постъ продолжался только двѣ недѣли (у монтанистовъ предпасхальный постъ былъ двухнедѣльнымъ), а въ Римѣ—40 дней.

Если свидѣтельство Иринея можетъ говорить о практикѣ малоазійскихъ церквей въ отношеніи предпасхального поста, а свидѣтельство Тертулліана о такой же практикѣ римской и африканской церквей, то два другихъ памятника открываютъ намъ положеніе дѣла еще въ двухъ большихъ областяхъ тогдашняго христіанскаго міра, давая такимъ образомъ возможность обнять его весь въ интересующемъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти памятники, будучи моложе разсмотрѣнныхъ на нѣсколько десятилѣтій, знакомятъ насъ съ дальнѣйшей стадіей развитія предпасхального поста, когда онъ изъ

¹⁾ Katholik 1892, I, 45-е.

²⁾ *Funk I. X. Kirchgeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen*, 1 Band., Paderborn 1897. Съ выводами Функа своевременно познакомилъ русскую публику г. А. Петровскій статьей своей въ „Христ. Чтенія“ 1900 г. апр. „Предпасхальный постъ въ исторіи его развитія“ (стр. 587—600).

двух-трехдневного распространился на всю недѣлю предъ Пасхой.

Болѣе раннее изъ этихъ новыхъ свидѣтельствъ о постѣ находится въ недавно открытомъ памятнике, носящемъ заглавіе „Апостольское наставленіе“ (*Διδασκαλіа*), сохранившемся на сирійскомъ и въ половинѣ своей на латинскомъ языке и появившемся въ *Cirio* предъ серединой III-го вѣка, можетъ быть, въ первой четверти его. О почтѣной древности и авторитетѣ этого памятника можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что, по предположенію изслѣдователей его, онъ лежитъ въ основѣ 6 первыхъ книгъ такъ называемыхъ „Апостольскихъ постановлений“ (*Constitutiones*), которыя являются переработкой его. О предпасхальномъ постѣ памятникъ говоритъ: „отъ десятаго [числа луннаго мѣсяца], которое есть второй день недѣли [понедѣльникъ], въ дни Пасхи будете поститься, и хлѣбъ, и соль, и воду одну употребляйте въ чась девятый, и такъ до пятаго дня недѣли [четверга]; пятницу же и субботу цѣлую поститесь, ничего не вкушая“. 18 глава V книги Апостольскихъ постановлений, по предположенію ученыхъ, и является переработкой этого мѣста: въ качествѣ дозволенной для первыхъ дней Страстной седмицы пищи она присоединяетъ еще овощи¹⁾.

Желаніе этого памятника освятить авторитетомъ апостоловъ наличную практику поста можетъ свидѣтельствовать о томъ, что она была во всякомъ случаѣ не недавняя, хотя, можетъ быть, и не общепризнанная.

Въ богатой и изнѣженной *Александрии*, повидимому, съ меньшей строгостью хранился этотъ, тогда еще только однонедѣльный, предпасхальный постъ и съ большимъ трудомъ отѣснялъ прежнюю, болѣе легкую, практику. Діонисій Великій, епископъ Александрийскій († 264—265 г.), былъ за прошеніе епископомъ Василиодомъ, когда нужно оканчивать

¹⁾ Funk. Die apostolischen Constitutionen, 1891, S. 50—54 и цитов. соч. 250.

пасхальный постъ, вечеромъ ли въ субботу, или утромъ въ воскресенье при пѣніи пѣтуха, какъ это дѣлается въ Римѣ. Высказавши свой взглядъ на различные сроки для конца поста, александрийскій епископъ прибавляетъ: „и шесть дней поста соблюдаются не всѣми равно и одинаково; ибо одни проводятъ всѣ дни безъ пищи, а иные ни одного; тѣмъ, которые весьма ослабѣли отъ продолжительного поста и почти погибаютъ отъ изнеможенія, простительно болѣе раннее вкушеніе пищи; но если иные четыре предшествующіе дня поста не только не постились безъ перерыва, но и вообще не постились и даже роскошничали и потомъ, когда наступаютъ послѣдніе два дня, ихъ, т. е. пятницу и субботу, непрерывно постятся и думаютъ, что дѣлаютъ нѣчто великое и славное, если воздерживаются до утра, то я думаю, что они не были въ такомъ подвигѣ, которые упражнялись нѣсколько дней раньше“¹⁾). Мѣсто показываетъ, что въ Египтѣ, какъ и въ Сиріи, тогда постились уже цѣлую недѣлю предъ Пасхой, Страстная седмица уже образовалась; но что подлѣ большой строгости въ пощеніи этой седмицы шла и вольность въ соблюденіи ея. То обстоятельство, что Діонисій не осуждаетъ прямо этой послѣдней практики, хотя далеко и не сочувствуетъ ей, показываетъ, что постъ во всю седмицу еще не получилъ законообязательной силы, что для этого онъ былъ еще слишкомъ новъ. Тѣмъ меньше могла быть рѣчь о сорокадневномъ постѣ предъ Пасхою въ это время.

Между тѣмъ современникъ и согражданинъ Діонисія знаменитый Оригенъ († 254 г.) говорить именно о сорокадневномъ постѣ предъ Пасхою. Это свидѣтельство находится въ 10 бесѣдѣ его па книгу Левитъ, комментарій на которую, какъ и большинство твореній великаго александрийца, дошелъ до насъ не въ подлинникѣ, а въ латинскомъ переводѣ вышеупомянутаго Руфина.

¹⁾ Migne, Patrologiae cursus completus, s. gr. 10, 1278.

Указавъ на необязательность іудейскихъ постовъ для христіанъ и сославшись въ подтверждение этого на Мє. 9, 15, Оригенъ продолжаетъ: „итакъ іudeи постятся, потому что они лишились Жениха (Христа); мы же, им'я Жениха, не можемъ поститься. Говоримъ это не къ тому, чтобы ослабить удила христіанского воздержанія. Ибо и мы им'емъ дни Четыредесятницы, посвященные посту. Им'емъ четвертый и шестой дни седмицы (среду и пятницу), въ которые обыкновенно постимся. Христіанину и во всякое время предоставляемъ свобода поститься, не изъ-за суев'рія относительно храненія поста, но изъ-за добродѣтели воздержанія“¹⁾.

Мѣсто не оставляло бы никакихъ сомнѣній въ существованіи при Оригенѣ Четыредесятницы, если бы не два обстоятельства: а) молчаніе о ней столь близкаго къ настоящему свидѣтелю по мѣсту и времени Діонисія и б) переходъ къ намъ документа чрезъ руки Руфина. Руфинъ былъ очень вольный переводчикъ, въ чёмъ не только сознается, но и неоднократно предупреждаетъ читателя, напр., въ предисловіи къ переводу сочиненія Оригена „Περὶ ἀρχῶν“. А въ послѣдовательности перевода Оригена комментарія на посланіе къ Римлянамъ онъ замѣчаетъ о своемъ трудахъ: „мы восполнляемъ то, что Оригеномъ сказано для Церкви его времени не столько въ цѣляхъ изъясненія, сколько въ цѣляхъ назиданія, какъ дѣлали мы и въ гомиліяхъ или словахъ на Бытие и Исходъ; особенно же въ гомиліяхъ на книгу Левитъ, что было имъ сказано для красоты стиля, мы для ясности передаемъ прямымъ языкомъ; этотъ трудъ восполненія недостающаго мы предприняли съ тѣмъ, чтобы латинскому читателю не доставляли затрудненій вопросы поднятые и оставшиеся нерѣшенными, какъ обыкновенно поступаетъ Оригенъ по требованіямъ гомилетического искусства“. Разъ въ основу перевода клались такія начала, то, какъ замѣчаетъ издатель

¹⁾ Тамъ же, 12, 528.

Оригена въ Патрології Миня, читатель не можетъ быть никогда увѣренъ, читаетъ ли онъ Оригена или Руфина¹⁾.

Правда, и столь широкая свобода перевода не должна бы простираяться на такія чисто фактическія данныя у Оригена, какъ указаніе на существованіе въ его время поста. Но тутъ невольно припоминается Руфиновъ переводъ Иринеевыхъ словъ о 40 часахъ поста... Кромѣ того въ выраженій „посвященные посту дни Четыредесятницы“ обращаютъ вниманіе также на неумѣстную витіеватость фразы, не отвѣчающей простотѣ слѣдующей за нею: „постимся и въ среду и въ пятницу“²⁾. А главное, какимъ образомъ о Четыредесятницахъ не упоминаетъ Діонисій?

Тѣмъ не менѣе рѣшительно настаивать на интерполаціи Руфина въ данномъ мѣстѣ было бы рисковано. Изъ затрудненія же, создаваемаго разногласіемъ по данному пункту между Оригеномъ и Діонисіемъ, есть очень простой выходъ. У Оригена было два отечества — кромѣ Египта и Александріи—Палестина и Кесарія. Столько проживъ въ послѣднихъ, онъ не только могъ хорошо знать всю церковную практику Св. Земли, но привыкнуть и освоиться съ ней и оцѣнить ее. Между тѣмъ о практикѣ въ отношеніи поста, какъ разъ именно Іерусалимской церкви въ этотъ періодъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, имѣя ихъ о всѣхъ окружающихъ церквяхъ. Почему же не признать такимъ свидѣтелемъ объ этой практикѣ Оригена?

Въ началѣ IV вѣка, какъ увидимъ далѣе, мы находимъ постъ св. Четыредесятницы получившимъ всеобщее распространеніе по христіанскому міру. Помѣстными соборами изрекаются прощенія на несоблюдающихъ его. Для такого широкаго распространенія института требовались время и авторитетъ. Какого-нибудь десятилѣтія здѣсь недостаточно было.

¹⁾ Тамъ же, 395.

²⁾ Функъ думаетъ, что у Оригена здѣсь была рѣчь о сорокадневномъ постѣ Спасителя. Kirchgesch. Abhand. u. Untersuch. 254.

Нужны были долгія сношенія между церквами, чтобы сорокадневный постъ утвердился всюду на мѣсто привычного и болѣе легкаго недѣльнаго или даже двухдневнаго. Съ другой стороны нужна была инициатива въ этомъ дѣлѣ не любой церкви, а особенно вліятельной; а главное находившейся въ живомъ и постоянномъ общеніи съ другими. Такою въ то время и была „мать церквей“, Иерусалимская Церковь. И гдѣ легче всего могла возникнуть идея сорокадневнаго поста послѣ Крещенія и до Пасхи, какъ не на берегахъ Іордана у подножія суровой горы Каантаня, съ которою преданіе связываетъ постъ Спасителя?

Отъ второй половины III вѣка мы имѣемъ и еще одно свидѣтельство о сорокадневной продолжительности предпасхального поста, касающееся не менѣе вліятельной, чѣмъ Иерусалимская, церкви, именно церкви Римской. То-такъ называемые „Каноны св. Ипполита“ (канонъ 20-й). Ипполитъ былъ или папою, или епископомъ гавани римской и пострадалъ около половины III в.¹⁾). Но его „Каноны“ спорный памятникъ. Сохранились они до нась въ сильно интерполированномъ арабскомъ переводѣ; но судя по тому, что они лежать въ основѣ такъ называемыхъ „Египетскихъ каноновъ“, памятника до-константиновскаго времени, есть основаніе считать ихъ если не подлинными Ипполитовыми, то во всякомъ случаѣ памятникомъ церковной практики половины III в.²⁾).

Итакъ отъ III вѣка мы имѣемъ два свидѣтельства за сорокадневную продолжительность предпасхального поста,— свидѣтельства, если не совершенно неоспоримыя, то очень достовѣрныя.

¹⁾) Сергій архіеп. Полный мѣсяцесловъ востока, т. II, изд. 2, Влади-миръ 1901, стр. 44 „Примѣчаній“.

²⁾) Möhler. W. Lehrbuch der Kirchengeschichte, Tübing. u. Leipz. 1902 I. B., S. 331. Функъ считаетъ этотъ памятникъ моложе „Апостольскихъ Постановленій“.

Съ полною несомнѣнностью древніе памятники говорять о сорокадневномъ постѣ предъ Пасхою только съ начала IV вѣка.

И первое по времени такого рода свидѣтельство есть тоже случайное, какъ и всѣ доселѣшнія,—упоминаніе о ней въ 5 правилѣ Никейскаго собора. Это правило назначаетъ для одного изъ двухъ соборовъ, которые должны ежегодно бывать въ каждой церкви, время „предъ Четыредесятницей“ (προ τεσσαρακοστης), указывая въ качествѣ основанія для такого срока, «чтобы по устраниеніи всякаго разномыслія¹⁾ былъ приносимъ Богу чистый даръ».

Историческій критицизмъ подкаپываетъ, впрочемъ, и подъ это, казалось бы, такъ несомнѣнное свидѣтельство. Выставляемое соборомъ основаніе, говорять, не идетъ къ обосновываемому. „Принесеніе чистаго дара“ можетъ скорѣе означать безкровную жертву и причащеніе, чѣмъ постъ. Поэтому возникаетъ вопросъ, не нужно ли поставить здѣсь вмѣсто „Четыредесятницы“—„Пятидесятницу“. Антіохійскій соборъ 341 г. назначаетъ для провинціального собора дѣйствительно Пятидесятницу, именно 4-ю недѣлю ея... И этотъ срокъ позднѣе всюду оказывается общепринятымъ. При немъ между осеннимъ соборомъ (въ октябрѣ) и весеннимъ не было бы и такого малаго промежутка, и два собора были бы равномѣрнѣе распределены во времени.

Но если бы и признать эти сомнѣнія въ неповрежденности 5 правила Никейскаго собора состоятельными, то цѣлый рядъ свидѣтельствъ ближайшаго, непосредственно слѣдующаго времени не оставляютъ никакого сомнѣнія въ существованіи Четыредесятницы во времена 1-го вселенскаго собора. Евсевій Кесарійскій († ок. 340 г.) пишетъ: „мы празднуемъ Пасху, принимая на себя сорокадневный подвигъ для приготовленія къ ней“; „до Пасхи мы 6 недѣль укрѣп-

¹⁾ Слав. пер.: „неудовольствія“.

ляемъ себя сорокадневнымъ постомъ¹⁾). Аѳанасій Великій († 373) упоминаетъ о Четыредесятницѣ въ пасхальномъ посланіи 330 года и въ другихъ сочиненіяхъ²⁾. Неоднократно упоминаетъ о ней и св. Кириллъ Іерусалимскій († 386 г.)³⁾. Говорить о ней Лаодикійскій соборъ ок. 360 г. и св. Епифаній Кипрскій ок. 375 г.⁴⁾.

Это—на Востокѣ. На Западѣ первое свидѣтельство о ней находимъ только у св. Амвросія Медіоланскаго († 397 г.)⁵⁾. Нѣсколько позднѣе о ней говорять бл. Іеронимъ и Августинъ. У послѣдняго есть рядъ поученій на время ея. То обстоятельство, что на Западѣ свидѣтельства о Четыредесятницѣ начинаются позднѣе, чѣмъ на Востокѣ, знаменательно. Оно можетъ говорить за то, что сорокадневная продолжительность для предпасхального поста тамъ прината позднѣе. Правда, Никейскій соборъ говорить о Четыредесятнице, какъ общизвѣстномъ установленіи; но этотъ соборъ, хотя и вселенскій, состоялъ преимущественно изъ восточныхъ епископовъ. Но о западной практикѣ поста нужно говорить отдельно, такъ какъ съ самаго установленія тамъ Четыредесятницы Западъ пошелъ совершенно по другой дорогѣ въ разработкѣ и развитіи этого поста.

Переходъ отъ недѣльного поста къ сорокадневному былъ не такъ простъ и легокъ, чтобы могъ совершиться скоро и легко. Если свидѣтельство Оригена о Четыредесятнице и „Каноны Ипполита“ подлинны, то отъ первыхъ извѣстій о предпасхальномъ постѣ такой продолжительности до повсемѣстнаго распространенія Четыредесятницы прошло три четверти столѣтія.

¹⁾ De solenn. pasch. cap. 4, 5. Migne, s. gr. 24, 697.

²⁾ Окруж. посл. къ еписк. гл. 4. Аполог. къ Констан. гл. 15.

³⁾ Огласит. сл. 4. Тайновод. 4.

⁴⁾ Излож. вѣры гл. 21.

⁵⁾ De Noe et arca c. 4; De Elia et jejun c. 10.

Нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній у писателей тогдашняго времени бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на это постепенное распространеніе. Историкъ Сократъ (род. въ концѣ IV в.) въ своей „Церковной исторіи“ говоритъ: „Постъ предъ Пасхою въ разныхъ мѣстахъ соблюдается различно; именно въ Римѣ предъ Пасхою постятся непрерывно три недѣли, кромѣ субботы и дня Господня; а въ Илліріи, во всей Греціи и Александріи держать постъ шесть недѣль до Пасхи и называютъ его Четыредесятницею; другіе же начинаютъ поститься за семь недѣль до праздника“¹⁾). Младшій современникъ Сократа Созоменъ въ своей Исторіи, сильно зависимой отъ Сократовой, повторяетъ это мѣсто изъ книги своего предшественника, но съ характерными добавленіями и измѣненіями: „Предшествующую празднику Пасхи такъ называемую Четыредесятницу, въ которую народъ постится, одни считаютъ въ шесть недѣль, напр., иллірійцы и христіане, живущіе на западѣ, вся Ливія и Египетъ съ Палестиною, другіе въ семь, какъ жители Константинополя и окрестныхъ мѣсть до Финикии; въ продолженіе этихъ шести или свыше недѣль нѣкоторые постятся три недѣли съ промежутками, другіе три недѣли сряду предъ праздникомъ, а иные только двѣ, какъ, напр., послѣдователи Монтана“²⁾.

То и другое свидѣтельства относятся къ тому времени, задолго до котораго цѣлый рядъ свидѣтельствъ, какъ мы видѣли, устанавливаетъ повсемѣстное распространеніе Четыредесятницы въ христіянскомъ мірѣ. Слѣд., и въ это время Четыредесятница не только далеко не опредѣлилась вполнѣ, но и не получила общаго признанія. По мѣстамъ вмѣсто нея существовалъ постъ, занимавшій по продолжительности какъ разъ середину между древнимъ короткимъ, отъ 1 до 6 дней, предпасхальнымъ постомъ и Четыредесятницей, именно постъ двадцатидневный. При этомъ характерно, что послѣд-

¹⁾ Кн. V, гл. 22.

²⁾ Кн. VII, гл. 19.

няго рода посты имѣть мѣсто на Западѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, свидѣтельства о Четыредесятницѣ значительно опаздываютъ сравнительно съ Востокомъ. Отсюда есть иѣкоторое право заключить, что и вездѣ посты меныши продолжительности посредствовалъ переходъ отъ недѣльного поста къ сорокадневному. Знаменательно и то, что Созоменъ уже не называетъ въ качествѣ сторонниковъ трехнедѣльного поста Запада и въ частности Рима, хотя практика такого поста еще извѣстна ему. Возможно, что къ его времени Четыредесятница еще дальше оттѣнила прежнюю болѣе легкую, но и менѣе цѣнную практику¹⁾.

Но Сократъ и Созоменъ сохранили для насъ только отдаленные отголоски къ ихъ времени уже почти завершившагося распространенія Четыредесятницы. Между тѣмъ до насъ дошелъ документъ, такъ сказать бывшій живымъ свидѣтелемъ постепенного утвержденія сорокадневнаго поста на мѣстѣ прежняго болѣе короткаго въ одной изъ виднѣйшихъ церквей древности. То такъ называемыя „пасхальныя посланія“ св. Аѳанасія Александрійскаго, современника того самого Никейскаго собора, одинъ изъ каноновъ котораго считается первымъ по времени достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о Четыредесятницѣ. Въ первомъ изъ этихъ посланій 329 года совершенно не упоминается Четыредесятница, и начало „святого поста“ пріурочивается къ понедѣльнику Страстной седмицы. Такъ какъ четвертое и пятое посланія 332—333 г. тоже предполагаютъ

¹⁾ Авторъ „Исторического разсужденія о постахъ православной, восточной, каѳолической Церкви (Москва 1837 г.)“ заподозриваетъ свидѣтельства Сократа и Созомена о различной продолжительности въ ихъ время предпасхального поста въ неточности и даже въ намѣренномъ искаженіи истины, объясняя послѣднее расположениемъ къ новаціанству: „имъ не могли нравиться положительные уставы Церкви; отсюда-то конечно произошло, что сочтено нужнымъ намѣренно и съ усилиемъ изыскивать различіе въ обрядахъ Церкви и при семъ мѣшать полуистину съ правдою или съ ложью“ (стр. 17). Но изъ установленій Церкви новаціанамъ, тогдашнимъ ригористамъ христіанства, меныше всего могъ не нравиться сорокадневный постъ.

этотъ порядокъ, тогда какъ въ двухъ предшествующихъ (2 и 3) имѣть мѣсто подлѣ или предъ Страстной недѣлей и Четыредесятница, то изъ первого письма нельзя заключать, что Четыредесятница въ Египтѣ тогда еще не была известна. Колебаніе показываетъ только, что тамошняя церковь находилась въ стадіи перехода отъ прежняго порядка къ новому. Такому предположенію сообщаетъ уже полную достовѣрность посланіе св. Аѳанасія къ Серапіону, присоединенное къ 11-му пасхальному посланію и написанное въ 340 году изъ Рима. Тмусскому епископу, которому на время отсутствіяalexandrійскаго архіепископа поручено было наблюденіе за всею египетскою церковью, въ этомъ посланіи предлагается „объявить братьямъ сорокадневный постъ и присоединить увѣщаніе къ нему, чтобы, когда весь міръ постится, мы одни, живущіе въ Египтѣ, не подвергались насмѣшкамъ за непощеніе и за то, что въ эти дни предаемся радости“. Въ 19-мъ посланіи отъ 346 года соблюденіе Четыредесятницы св. Аѳанасій уже представляетъ необходимымъ условіемъ къ достойному празднованію Пасхи, говоря: „кто пренебрегаетъ Четыредесятницей, кто какъ бы безъ вниманія и нечистымъ вступаетъ во святое святыхъ, тотъ не празднуетъ праздника Пасхи“¹⁾.

Было въ жизни Церкви III-го вѣка нѣсколько явлений, которые могли побудить ее удлинить предпасхальный постъ до 40 дней.

Первымъ изъ такихъ явлений было сильное развитіе въ этотъ вѣкъ отшельничества. Египетскіе, палестинскіе и сирійскіе отшельники впервые воочію и въ поразительныхъ размѣрахъ показали всему міру, какія чудеса можетъ сдѣлать надъ душою постъ, поспѣшѣствуемый тѣми благодатными вліяніями, какія имѣеть на человѣка христіанство и какихъ лишены были языческія религіи, покровительствовавшія по-

¹⁾ Funk, Kirchgesch. Abhandl. u. Untersuch. 264.

сту. Церковь убедилась на живыхъ примѣрахъ, какимъ могучимъ орудіемъ благодатнаго воздѣйствія и возрожденія вѣдѣтъ она въ видѣ поста. Естественно, что она пришла къ мысли возможно шире использовать это мало до сихъ поръ примѣнявшееся средство нравственнаго воспитанія.

Между тѣмъ обстоятельства времени и съ другой стороны направили вниманіе Церкви на это средство. То были тѣ же обстоятельства, которые вызвали и самое отшельничество съ его постничествомъ. Именно: ослабленіе прежней христіанской ревности. Еще преп. Іоаннъ Кассіанъ († 435) такъ объяснялъ установление Четыредесятницы: „нужно знать, что это установление, Четыредесятница, пока въ Церкви оставалось нетронутымъ первобытное совершенство, совсѣмъ не существовало. Ибо тѣ, которые на всемъ протяженіи года ограничивали себя одинаковымъ постомъ, не стѣсняли себя тѣсными рамками поста по требованію правила или по какой-либо санкціи закона. Но съ теченіемъ времени большинство вѣрующихъ, ослабѣвъ въ этомъ апостольскомъ рвеніи, ежедневно стали предаваться своимъ дѣламъ и не цѣлились своимъ имуществомъ со всѣми вѣрными сообразно съ установленіями апостоловъ, и, въ заботахъ исключительно о своихъ потребностяхъ, стремились не сохранять имущество только, подобно Ананіи и Сапфирѣ, но умножать его; тогда-то всѣ пастыри рѣшили призвать людей, связанныхъ житейскими заботами и почти (какъ я сказалъ) не знавшихъ воздержанія и покаянія, призвать къ святому дѣлу каноническими установлениемъ постовъ и потребовать принужденіемъ какъ бы законную десятину“¹⁾.

Болѣе непосредственной и конкретной причиной удлиненія предпасхальнаго поста былъ такъ называемый катехуменатъ, т. е. обычай долгаго и торжественнаго приготовленія ко крещенію желающихъ принять оное. Уже „Ученіе 12 апостоловъ“ требуетъ поста не только отъ готовящагося

¹⁾ Collatio XXI, cap. 30.

ко крещенію, но и отъ Церкви, принимающей его въ свои нѣдра: „предъ крещенiemъ пусть постятся крещающiй и крещаемый, и, если могутъ, нѣкоторые другiе; но крещающемуся прикажи, чтобы онъ напередъ постился день или два“ ¹⁾). О такомъ постѣ предъ крещенiemъ говорить и св. Густинь мученикъ: по нему, отъ готовящихся ко крещенію „требуется, чтобы они молились постясь и просили у Бога отпущенія прежнихъ грѣховъ; и мы вмѣстѣ съ ними молимся и постимся“ ²⁾). Извѣстныя огласительныя слова св. Кирилла Іерусалимскаго произнесены во время Четыредесятницы. 4-й Каѳаѳенскiй соборъ (399 г.) предписываетъ, чтобы имѣющiе креститься „по нареченiи имъ имени воспринимали крещенiе не сразу, а по долгомъ воздержанiи отъ вина и мяса, по возложенiи рукъ, и частомъ испытанiи“ ³⁾). Здѣсь нѣть указанiя на сорокадневный срокъ такого подготовленiя; но папа Сирицiй († 398 г.) въ одномъ письмѣ замѣчаетъ, что крещаемымъ давалось имя именно за 40 дней до крещенiя, и все это время они очищались заклинанiями, ежедневными молитвами и постами ⁴⁾). Въ теперешнемъ богослужебномъ уставѣ есть цѣлый рядъ слѣдовъ такого назначенiя Четыредесятницы: ровно съ половины ея, со среды 4-й недѣлѣ поста, произносится на преждеосвященной литургiи кромѣ обычной ектенiи обѣ оглашенныхъ еще особая ектенiя о „иже къ просвѣщенiю (т. е. ко крещенiю) готовящихся“ ⁵⁾; въ Великую субботу и всю недѣлю Пасхи поется вмѣсто Трисвятаго „Елицы во Христа креститеся“; апостоль на литургiи въ Великую субботу изъ чина крещенiя; и паремiй на этой литургiи, между прочимъ, положено потому таkъ много, что во время чтенiя ихъ, какъ узнаемъ изъ устава

¹⁾ Гл. VII.

²⁾ Апологiя П. Ср. Тертуллiана „О крещенiи“, гл. 20.

³⁾ Правило 85.

⁴⁾ Epist. I ad Himerium. *Bingham* o. c. 199.

⁵⁾ Въ рукописныхъ уставахъ XVI в. Соловецкой и Московской Синодальной библіотеки такая молитва полагается и на полныхъ велико-постныхъ литургiяхъ—свв. Златоуста и Василія Вел.

Великої Константинопольської Церкви IX в.¹⁾), патріархъ совершалъ крещеніе. Но болѣе всего замѣчательна въ этомъ отношеніи слѣдующая частность современного устава: въ Лазареву субботу положено тоже вмѣсто Трисвятого на літургії „Елизы во Христа креститесь“, тогда какъ въ Вербное воскресеніе уже Трисвятое. Очевидно, въ Лазареву субботу по мѣстамъ тоже совершалось крещеніе оглашенныхъ и именно потому, что до нея отъ начала Великаго поста проходитъ какъ разъ 40 дней.

Пріурочивъ къ Пасхѣ и ея посту, какъ священнѣйшему времени года, крещеніе, Церковь постепенно отнесла на это время и совершеніе двухъ другихъ таинствъ, требовавшихъ не меныше очистительнаго приготовленія, и ради этого послѣдняго удлинила пость. Такъ было прежде всего съ покаяніемъ, этимъ вторымъ крещеніемъ.

Столь сложную и строгую въ первые вѣка дисциплину покаянія удобнѣе всего было примѣнять въ предпасхальный постъ. Уже Анкирскій собѣръ (314—315 г.) временемъ какъ для принятія кающагося въ церковь, такъ и для перевода его изъ низшаго разряда покаянія въ высшій назначаетъ Пасху: „да пріимутся въ разрядъ слушающихъ писанія до великаго дня Пасхи“, постановилъ онъ относительно вкушавшихъ во время гоненій идоложертвенное²⁾). По Григорію Нисскому († послѣ 394 г.) „въ день Пасхи мы не только приводимъ къ Богу тѣхъ, которые преобразованы возрожденіемъ въ благодатной купели, но и тѣхъ, которые чрезъ раскаяніе и обращеніе отъ мертвыхъ дѣлъ приступаютъ къ вѣчной жизни“³⁾). Т. о. нынѣшній обычай говѣть въ Великій постъ возникъ едва ли не одновременно съ самимъ постомъ. Отсюда и покаянное преимущественно содержаніе богослуженія

¹⁾ Дмитревский А. Описаніе літургическихъ рукописей, т. I. Типіка. Кіевъ 1895, стр. 133.

²⁾ Правило 6.

³⁾ Epist. canon. ad Letojum.

въ Великій постъ. Памятью о такомъ назначеніи Четыредесятницы въ римской церкви служить обрядъ такъ называемаго „благословенія пепла“ въ первый день римско-католической Четыредесятницы (въ среду первой недѣли нашего поста).

Когда оставленъ былъ обычай еженедѣльнаго пріобщенія св. Тайнами всѣхъ вѣрующихъ, Четыредесятница стала приготовленіемъ и къ достойному принятію этого таинства, которое пріурочивалось то къ дню установленія его Спасителемъ—Великому четвергу, то къ Пасхѣ. „Нѣкогда многіе, говоритъ св. Златоустъ, легкомысленно и безъ разсужденія приступали къ св. Тайнамъ и даже въ тотъ день, когда Христосъ установилъ ихъ. Посему такъ какъ отцы видѣли, сколько получается вреда отъ безразсуднаго приступанія къ нимъ, согласившись назначили 40 дней поста...“¹⁾), „чтобы, очистившись отъ грѣховъ, прилипшихъ всякимъ образомъ въ теченіе года, мы съ духовною бодростью стали причастниками этой безкровной Жертвы“²⁾). Въ другомъ мѣстѣ Златоустъ замѣчаетъ, что каждый въ его время пользовался Четыредесятницей „для должностного приготовленія къ принятію на праздникъ Пасхи причащенія“. Бл. Іеронимъ тоже говоритъ, что „подвигомъ поста“ „Господь готовить души наши къ яденію тѣла Своего“³⁾). Памятью о древнемъ обычая пріобщаться всѣмъ на Пасху остался въ нынѣшнемъ богослуженіи причастенъ на Пасху „Тѣло Христово пріимите“, стихъ, хотя постоянно поющійся во время причащенія мірянъ, но въ качествѣ „причастна“ положенный только на Пасху.

Когда предпасхальный постъ изъ недѣльнаго сдѣлался сорокадневнымъ, ему осталось пройти еще одну стадію, чтобы получить тотъ видъ или вѣрнѣе ту продолжительность,

¹⁾ Бес. 52 „о тѣкъ, которые въ Пасху постятся“.

²⁾ Бес. 22, „о гнѣвѣ“.

³⁾ Бес. 42.

какие онъ имѣть въ настоящее время. Какъ извѣстно, нынѣ Великій постъ, хотя называется Четыредесятницей, продолжается не 40 дней, а 48. Это потому, что Страстная недѣля не включается въ Четыредесятницу, а рассматривается какъ самостоятельный постъ.

Такой порядокъ пощенія, можно думать, возникъ одновременно съ другой практикою, ограничивавшей постъ 40 только днями, слѣдовательно включавшей Страстную седмицу въ Четыредесятницу. Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Сократа и Созомена мы узнаемъ точно, гдѣ и какой изъ этихъ порядковъ господствовалъ въ ихъ время. Практика шестинедѣльного поста принятая была главнымъ образомъ въ Римѣ, но кромѣ него въ Иллиріи, Греціи, Египтѣ, а по Созомену, и въ Палестинѣ.

Гдѣ былъ принять шестинедѣльный постъ, тамъ его начинали въ понедѣльникъ шестой недѣли до Пасхи, т. е. съ понедѣльника второй недѣли нынѣшняго православнаго поста. Слѣдовательно вся нынѣшняя первая седмица поста при такой практикѣ не входила въ постъ. Шамятью о такой практикѣ, которой не слѣдуетъ теперь и главная въ древности сторонница ея—римская церковь, въ этой послѣдней церкви осталось то, что тайная молитва этого понедѣльника, приходящагося теперь въ римской церкви шестымъ уже днемъ поста, начинается словами: „Жертву начала Четыредесятницы торжественноносимъ“¹⁾.

Что шестинедѣльный срокъ для пасхального поста принять былъ кромѣ Рима и въ нѣкоторыхъ церквяхъ Востока, обѣ этомъ кромѣ Сократа и Созомена есть и другія свидѣтельства, которыя вполнѣ подтверждаютъ и точность топографическихъ указаній этихъ историковъ. Два вышеприведенные свидѣтельства о Четыредесятницѣ Евсевія Кесарійскаго ясно даютъ понять, что автору извѣстенъ былъ предпасхальный постъ только сорокаднѣвной продолжительности.

¹⁾ Missale romanum, dominica I Quadragesimae, feria secunda.

Св. Аѳанасій Великій въ одномъ пасхальномъ посланіі даетъ такие термины для предстоящаго пасхального года: „сорокадневный постъ начнемъ 13-го фаменота (=9 марта); затѣмъ, завершивъ постъ, начинаемъ недѣлю св. праздника Пасхи [какъ видно изъ послѣдующаго—Страстную седмицу] 18-го фармути (13 апрѣля) и прекращаемъ ее [букв. „отдыхаемъ отъ нея“] 23-го же фармути, и затѣмъ 24-го празднуемъ воскресенье; а къ этимъ днямъ прибавляемъ 7 недѣль великаго праздника Пятидесятницы“. (Пасха, слѣдовательно, въ томъ году приходилась 19 апрѣля)¹). Не большую продолжительность имѣлъ прелпасхальный постъ въ Александрии при патріархѣ Феофилѣ (385—412), въ пасхальномъ посланіи котораго даны такие термины: 30-го меҳири (24 февраля) начало поста, 5-го фармути (31 марта) Страстная седмица, 11 фармути (6 апрѣля)—Пасха²).

Удлиненіе сорокадневнаго поста до 7 недѣль вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что въ число постныхъ дней не должны были включаться не только воскресенья, приходившіяся во время Четыредесятницы, но, по взгляду Восточной церкви, и субботы. Благодаря этимъ исключеніямъ предпасхальный постъ сорокадневной лишь продолжительности не давалъ бы 40 постныхъ дней и не отвѣчалъ бы идеѣ Четыредесятницы. При исключеніи однихъ воскресныхъ дней шестинедѣльный постъ, впрочемъ, давалъ все же знаменательное число 36 (6×6), которое папа Левъ Великій объяснялъ какъ десятину Богу отъ всего года³). Но такъ какъ на Востокѣ и суббота была исключена изъ числа постныхъ дней, то, чтобы получить по крайней мѣрѣ число 36 для постныхъ дней предпасхального поста, нужно было удлинить его до 7 недѣль ($5 \times 7 = 35$; съ присоединеніемъ Великой субботы—36)⁴).

¹⁾ Funk, ibid. 265.

²⁾ Истор. разсужд. о постахъ, стр. 20, 58.

³⁾ Бес. на Четыредесятницу.

⁴⁾ Такъ считаетъ уже Кассіанъ. Collat. XXI, 27, 28.

Междъ тѣмъ восточная церквь всегда держалась на субботу такого взгляда, что въ этотъ день поститься нельзя. Когда, вслѣдствіе отступленія римской церкви отъ этого древняго запрѣщенія, о немъ съ особеною настойчивостью стало напоминать восточное церковное законодательство¹⁾, естественно, что и тѣ восточные церкви, которые доселъ имѣли шестинедѣльный постъ предъ Пасхой, приняли семинедѣльный. Въ той самой Иерусалимской Церкви, въ которой Евсевій и, пожалуй еще, Кириллъ Иерусалимскій (говорившій въ Великую пятницу: „эти протекшіе дни Четыредесятницы“)²⁾ знаютъ сорокадневный постъ, паломница IV в. Сильвія изъ Аквитаніи констатируетъ уже 8 (!) недѣль предпасхального поста. Если эта цифра сомнительна за свою величину, то Петръ, патріархъ Иерусалимскій 524—544 года, свидѣтельствуетъ³⁾ о семинедѣльномъ постѣ въ своей церкви. Іоаннъ, епископъ Аѳинскій (ок. 680 года), и Анастасій, патріархъ Константинопольскій, въ энциклике отъ 732 года свидѣтельствуютъ о такомъ же постѣ въ Греціи. Общее распространеніе такой постѣ на Востокѣ долженъ былъ получить не позднѣе V вѣка, судя по тому, что апостольскія постановленія узаконяютъ его⁴⁾, а св. Епифаній Кипрскій († 403 г.) говоритъ о немъ, какъ общепризнанномъ въ Церкви⁵⁾.

Съ твердымъ окончательнымъ и повсемѣстнымъ установленіемъ сорокадневной продолжительности поста онъ сталъ

¹⁾ Правило св. апостоловъ 66 Трулльск. соб. пр. 55.

²⁾ 18 оглас. слово, хотя слово „Четыредесятница“ могло быть у него уже terminus technicus.

³⁾ Въ посланіи св. Іоанна Дамаскина о постѣ есть ссылка на это свидѣтельство. Migne, s. gr. 95, 71—78.

⁴⁾ „Да совершаются этотъ постъ (т. е. Четыредесятницы) прежде поста Пасхи, начинаясь съ понедѣльника, а оканчиваясь въ пятницу; потомъ начинайте св. седмицу Пасхи (Страстную), постясь во время ея со страхомъ и трепетомъ“ (кн. 5, гл. 1).

⁵⁾ „Четыредесятницу до 7 дней св. Пасхи (Страстной недѣли) церквь обыкновенно проводитъ въ постѣ; сверхъ того и шесть дней Пасхи (Страстную недѣлю) весь народъ проводитъ въ сухояденіи“.

очень внушительнымъ по виѣшней своей величинѣ учреждѣніемъ въ Церкви, чтобы въ очахъ послѣдней не выросло сильно и внутреннее его значеніе. Неудивительно, что писатели и писанія IV и V вѣковъ не находятъ словъ для изображенія всей важности и ненарушимости этого учрежденія.

Извѣстно, что уже и апостольскія правила, памятникъ, можетъ быть, древнѣе и IV в., подвергаютъ отъ имени св. апостоловъ клирика изверженію (изъ сана), а мірянина отлученію (отъ причастія, такъ какъ срокъ не указанъ, то явно—до исправленія) за несоблюденіе Четыредесятницы¹⁾. „Кто изъ христіанъ не постится въ св. Четыредесятницу“, говоритъ св. Амвросій Медіоланскій († 397 г.), „тотъ обнаруживаетъ вѣроломство и упорство. Какой ты христіанинъ, если пресыщаешься въ то время, когда Господь постился?“²⁾. „Поститься въ другіе дни, говорить бл. Августинъ, есть лѣкарство или заслуга; не поститься въ Четыредесятницу—грѣхъ“³⁾.

§ 3. Образъ пощенія въ историческомъ развитіи.

Первообразомъ христіанскаго поста былъ постъ еврейской.

Если „постное завѣщаніе“ предано христіанской Церкви самимъ Христомъ и Его апостолами, то первоначально постъ въ Церкви съ виѣшней стороны не могъ быть инымъ, чѣмъ у евреевъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Какъ апостолы, по происхожденію и воспитанію своему бывшие евреями и соблюдавшие ветхозавѣтные праздники и обряды, должны были поститься по-еврейски, такъ и первые христіане.

Богъ чрезъ Моисея установилъ только одинъ день поста, день очищенія. Но такъ какъ главное въ этотъ день былъ не постъ, а особыя жертвы и обряды при нихъ, то

¹⁾ 69 правило.

²⁾ Слово 40, на крещ.

³⁾ Слово 62, о врем..

только эти жертвы и обряды и описываются со всею подробностью въ постановленихъ книги Левитъ (гл. 16) объ этомъ днѣ; о времяпрепровождениі же его сказано слѣдующимъ не вполнѣ опредѣленнымъ образомъ: „смиряйте души ваши и никакого дѣла не дѣлайте“. Какъ видно, изъ еврейской мидраши (древняго толкованія) на этотъ отдѣлъ книги Левитъ, у евреевъ долго происходили ученыe споры относительно того, какъ понимать выраженіе „смиряйте (точнѣе: изнуряйте) души ваши“. Большинство раввиновъ думали, что этимъ выраженіемъ запрещается употребленіе известнаго рода жертвеннаго мяса, или мяса залежавшагося, падали¹). Только одинъ раввинъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь разумѣется воздержаніе отъ пищи вообще: „отъ имени р. Измаила сказали: здѣсь сказано: «изнуряйте души ваши» и тамъ (Втор. 8, 3) сказано: «онъ изнуряль тебя, томилъ тебя голодомъ»: подобно тому, какъ тамъ подъ «изнуреніемъ» разумѣется голоданіе, такъ и здѣсь подъ «изнуреніемъ» воздержаніе отъ пищи“²).

Это послѣднее объясненіе божественнаго повелѣнія и было принято древнимъ еврействомъ, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ: кромѣ воздержанія отъ пищи рекомендовались и другіе способы „изнуренія души“, хотя воздержаніе отъ пищи считалось главнымъ и поставлено на первое мѣсто. „Въ день очищенія запрещается Ѵда, питье, умываніе, умашеніе, надѣваніе сандалій и coitus“, говорить основное предписаніе Талмуда о режимѣ дня очищенія³).

¹⁾ Вотъ толкованіе этого мѣста кн. Левитъ въ Талмудѣ: „Подобно тому, какъ подъ «дѣломъ», запрещеннымъ въ день очищенія, разумѣется работа, за которую въ другомъ мѣстѣ (т. е. въ законахъ о субботѣ) полагается «истребленіе», такъ и подъ «изнуреніемъ» разумѣется воздержаніе отъ такой пищи, за которую въ другомъ мѣстѣ полагается «истребленіе», а именно отъ «оставшихся» (отъ жертвеннаго мяса) и отъ пигугла (мерзкаго)“. Joma. Siphra achare. Талмудъ, перев. Переферковича, Спб. 1899, II, 313.

²⁾ Тамъ же, 314.

³⁾ Joma, VIII, 1.

Запрещеніе ъсть и пить въ день очищенія, было безусловное, какъ то и разъясняется дальше. „Кто съѣлъ пищевого вещества величиною съ финикъ, считая его вмѣстѣ съ косточкой, и тотъ, кто выпилъ полный глотокъ напитка, подлежитъ наказанію“¹⁾). „Нѣкто постился и, забывъ, ъль и пиль; онъ заканчиваетъ свой посты“, говорится въ другомъ трактатѣ Талмуда, специальному „О постахъ“²⁾, въ которомъ всѣ предписанія о режимѣ дня очищенія прилагаются ко всякому посту, не только общественному, но и частному³⁾), съ тѣмъ только исключеніемъ для послѣднихъ, что частный посты можно начинать съ утра, а не съ предшествующаго посту вечера⁴⁾. Что касается времени сутокъ, когда прекращался посты, то обѣ этомъ въ Талмудѣ нѣть опредѣленныхъ указаній. Хотя священный день оканчивался у евреевъ вечеромъ, но посты повидимому продолжался до утра слѣдующаго дня. Это видно изъ дозволенія Талмуда принимать пищу предъ наступленіемъ субботы, если въ пятницу пришелся посты⁵⁾.

Въ видѣ полнаго неяденія должны были представлять себѣ посты и первые христіане. Кромѣ того обстоятельства, что христіанство заимствовало образъ пощенія отъ евреевъ, за это говорить, такъ сказать, ритуальный остатокъ такого поста и въ современной церковной практикѣ. Какъ мы видѣли, нынѣшній церковный уставъ для трехъ дней Великаго поста требуетъ пощенія именно въ такой формѣ. При этомъ знаменательно, что въ числѣ этихъ дней указывается и Страстная пятница, день распятія Господня, которымъ, по наиболѣе вѣроятному предположенію, и долженъ былъ первоначально ограничиваться предпасхальный посты. Въ церковномъ правилѣ пощенія Великой пятницы слѣдовательно надо

¹⁾ VIII, 2.

²⁾ Taannith III, 9 (a) [3, 3]; пер. Переферковича 462

³⁾ I, 4.

⁴⁾ II, 10 (a) [2, 4]; Переф. 456.

⁵⁾ Taanith II, 10 [2, 7]. Переф. 456.

видѣть память о древнѣйшей формѣ предпасхального поста, такой формѣ, какую онъ долженъ былъ имѣть, какъ увидимъ сейчасъ, въ I вѣкѣ, если онъ существовалъ тогда хотя бы въ зачаточномъ видѣ одного дня.

Даже въ IV и V вѣкахъ наиболѣе ревностные христіане, повидимому, не хотѣли знать другого пощенія во всю Четыредесятницу. „Нѣкоторые по цѣлымъ двумъ днямъ пребываютъ безъ пищи“, говоритъ св. Златоустъ. Евагрій (послѣ 594 г.) о пустынникахъ палестинскихъ пишетъ, что они не ёдятъ по 2, по 3 и по 5 дней, т. е. всѣ дни, въ которые положенъ постъ (въ субботу и воскресенье запрещался постъ) ¹⁾.

Уже писатель I вѣка Ерма знаетъ кромѣ этой формы поста, точнѣе этого образа пощенія (въ видѣ полнаго нежаденія), и другую, болѣе легкую. „Въ тотъ день, въ который постишься, ничего не вкушай, кромѣ хлѣба и воды“, говоритъ „пастырь“ Ермѣ. Но нужно замѣтить, что изъ этихъ словъ очень трудно сдѣлать какой-либо выводъ объ образѣ пощенія тогдашнихъ христіанъ. Дѣло въ томъ, что это только наставленіе, совѣтъ Ермѣ отъ его небеснаго руководителя. Наставленіе же часто не подтверждаетъ *status quo*, а измѣняетъ его. И Ерма здѣсь вовсе не намѣренъ описывать существовавшей въ его время практики поста. На вопросъ „пастыря“: „какимъ же образомъ постишься ты?“ онъ отвѣчаетъ: „какъ постился по обыкновенію, такъ и пощусь“, и получаетъ тогда упрекъ: „не умѣете вы поститься Богу, и постъ, который вы совершаете, безполезенъ“. Изъ дальнѣйшихъ наставленій „пастыря“ видно, что главный недостатокъ, усматриваемый имъ, въ тогдашней практикѣ поста, было отсутствіе при немъ такъ называемаго теперь „духовнаго поста“, т. е. воздержанія отъ грѣховъ. Но кромѣ этого существен-

¹⁾ Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία I. 1, с. 21; edited by Bidez and Parmenier, London 1898.

наго недостатка „пастырь“ усматриваетъ въ тогдашнемъ постѣ и какой-то внѣшній, такъ сказать, физическій недостатокъ и на него-то намекаетъ онъ требованіемъ употреблять въ день поста только хлѣбъ и воду.

Очевидно, нѣкоторые изъ тогдашнихъ христіанъ, продолжая неяденіе въ среду и пятницу (объ этихъ именно постахъ рѣчь здѣсь у Ермы; они названы „дни стояній“) до вечера, вечеромъ вкушали обычную пищу, какъ дѣлаютъ нынѣ евреи въ нѣкоторые по крайней мѣрѣ посты свои, вѣроятно основываясь на древнѣйшей практикѣ. Ерма не одобряетъ такой практики и хотѣлъ бы, чтобы пища въ постные дни, разъ уже допускается ея вкушеніе, была самая простая, хлѣбъ и вода, указывая такое основаніе и цѣль для этого требованія: „исчисливши издержки, которыя ты сдѣлалъ бы въ этотъ день на пищу по примѣру прочихъ дней, оставшееся отъ этого дня отложи, и отдай вдовѣ, сиротѣ или бѣдному“.

Въ данномъ мѣстѣ Ермы мы имѣемъ, такимъ образомъ, свидѣтельство о первомъ зарожденіи самостоятельно-христіанскаго образа пощенія, различнаго, по крайней мѣрѣ начинаящаго уже расходиться, съ еврейскимъ постомъ: къ полному неяденію въ теченіе дня сознается уже необходимость присоединить нѣкоторое ограниченіе и въ родѣ пищи.

Можно сказать даже больше: полное неяденіе считается возможнымъ замѣнить употребленіемъ скучной пищи, такой пищи, которая впослѣдствіи получила название „сухояденія“. Судя по тому, что такой образъ пощенія только рекомендуется, о немъ можно сказать, что идея его только еще начинала рождаться въ христіанскомъ обществѣ, которое въ большинствѣ своемъ слѣдовало еврейской практикѣ поста въ видѣ полнаго неяденія, должно быть съ вечернимъ разрѣшеніемъ на всякую пищу.

Но нужно замѣтить, что и эта идея въ христіанствѣ не была, такъ сказать, вполнѣ оригинална и могла быть внушена ему іудейской практикой. Въ Талмудѣ наканунѣ

поста запрещается „ѣсть два кушанья, пить мясо и пить вино“¹⁾). Древней еврейской практикѣ, следовательно, тоже не чужда была мысль об ограничении рода пищи; но такъ какъ день поста весь проводился въ полномъ неяденіи, то это ограниченіе переносилось на канунъ поста.

Замѣна полнаго неяденія скучной пищей произошла, когда постъ изъ однодѣнія удлинился до 40 дней. „Должно во всю Четыредесятницу поститься съ сухояденіемъ“, подтверждаетъ Лаодикійскій соборъ (8 пр.—по поводу обычая нѣкоторыхъ разрѣшать постъ въ Страстной четверготокъ), а также Апостольскія Постановленія²⁾). Иоаннъ Златоустъ говоритъ, что нѣкоторые во всю Четыредесятницу питались только хлѣбомъ и водою, или по крайней мѣрѣ не употребляли вина, елея и другихъ приправъ къ кушаньямъ³⁾). Бл. Іеронимъ говоритъ: „строжайшій постъ состоять изъ воды и хлѣба“⁴⁾.

Хотя пощеніе уже такъ рано въ христіанствѣ стало замѣнять еврейскую форму свою полнаго неяденія другой—ограниченіемъ въ родѣ пищи и даже могло дѣлать это подъ вліяніемъ самой же іудейской практики, тѣмъ не менѣе еще долго въ Церкви христіанской поста не могли представить иначе, какъ подъ первой формой, въ видѣ неяденія по крайней мѣрѣ до вечера. Въ частности именно Великій постъ, какъ древнійшій, совершался долго только такимъ способомъ и продолжалъ совершаться такъ и тогда, когда получилъ сорокадневную продолжительность и когда такое пощеніе стало очень тяжело. Не говоря о временахъ св. Иринея, когда для „измѣрявшихъ“ предпасхальный постъ 40 часами и не мыслимъ былъ другой образъ пощенія, даже въ IV и V вѣкѣ дни Четыредесятницы проводятся въ неяденіи до вечера. „Подожди немногого (съ пищей): скоро конецъ дня“.

¹⁾ Taanith IV, 7.

²⁾ Упомянутое выше мѣсто въ V, 18.

³⁾ Бес. 4 „о статуяхъ“.

⁴⁾ Къ Непот. о жизни клирик.

говорить св. Амвросій¹⁾. „Ты ждешь вечера, чтобы принять пищу, а цѣлый день проводишь въ судахъ”, обличалъ св. Василій Великій своихъ слушателей во время поста²⁾. „Не будемъ думать, что одного неяденія до вечера достаточно намъ для спасенія”, говорилъ въ такое же время св. Златоустъ; „что за польза отъ поста, скажи мнѣ, если ты по цѣлымъ днямъ не ъешь, а предаешься весь день играмъ, шуткамъ, даже клятвопреступленію и злорѣчію”³⁾.

Въ частности и конкретнѣе это неяденіе выражалось въ отмѣнѣ для постныхъ дней обѣда (по тогдашней терминологии: завтрака, prandium) и довольствованіи однимъ ужиномъ (соена). „Во дни поста”,увѣщеваетъ бл. Августинъ, „то, что мы употребляемъ на обѣдь, употребимъ на бѣдныхъ, а не на приготовленіе роскошныхъ ужиновъ съ яствами для самыхъ изысканныхъ вкусовъ”⁴⁾. „Насколько высыхаетъ въ тѣлѣ”, обличаетъ современниковъ Петръ Хрисологъ, „настолько полнѣе въ кошелькѣ; а вотъ постясь вручимъ нашъ обѣдь бѣднымъ”⁵⁾. Нынѣшній церковный уставъ тоже считаетъ необходимымъ условіемъ поста „одну трапезу”, принятие пищи разъ въ день; но пріурочиваетъ это принятие не ко времени обѣда или ужина, а въ промежутокъ времени между ними, именно или послѣ вечерни, которая въ этомъ случаѣ совершается нѣсколько ранѣе, сряду послѣ часовъ,— какъ въ Великій постъ,—или часа въ 3 вечера до вечерни, какъ въ другіе постные дни—среды и пятницы и т. п.⁶⁾. Когда же дозволяется двѣ трапезы въ день, то уставъ это не считаетъ постомъ, хотя бы въ такой день была запрещена и рыба: напр., о сочельникахъ Рождества Христова и Крещенія, приходящихся въ субботу или воскресенье, сказано

¹⁾ На Пс. 118 бес. 8.

²⁾ Бес. 1 о постѣ.

³⁾ На Быт. бес. 4 и 6.

⁴⁾ Слово 56 „о врем.“.

⁵⁾ Слово 8 „о постѣ и милостынѣ“.

⁶⁾ Тициконъ главы 8 и 35.

въ уставѣ: „постъ не бываетъ“, а между тѣмъ на трапезѣ „ядимъ вареніе со елеемъ, рыбы же не ядимъ“¹⁾). И это потому, что въ такомъ случаѣ бываетъ трапеза и послѣ літургіи и послѣ вечерни: „по отпущеніи літургіи въ трапезу не ходимъ, но въ притворѣ церковнѣмъ сѣдшимъ намъ, трапезарь даетъ по улому хлѣба, или малу хлѣбцу пшеничному, и мало смоквій и финиковъ, и по единой чашѣ вина, яко да не наречется постъ“²⁾). „Совершенно же ядимъ по отпустѣ вечерни, со елеемъ“³⁾).

Одна трапеза въ день въ уставѣ положена только для тѣхъ дней, въ которые требуется сухояденіе⁴⁾). Это и считается въ нынѣшнемъ уставѣ постомъ въ собственномъ смыслѣ. И такой постъ полагается только для пяти дней каждой обычной седмицы Великаго поста (исключая первой и Страстной, гдѣ особыя правила). Въ субботу и воскресенье, когда полагается двѣ трапезы, и разрѣшается постное масло и вино, собственно поста нѣть. И этотъ порядокъ пощенія былъ принятъ уже въ IV вѣкѣ. „Въ Четыредесятницу постятся по цѣлымъ днямъ, кромѣ субботы и воскресенья“, говоритъ св. Амвросій⁵⁾). Василій Великій тоже свидѣтельствуетъ, что въ его время постились лишь по 5 дней въ недѣлю въ теченіе Четыредесятницы⁶⁾). Св. Златоустъ субботу и воскресенье называетъ днями отдыха для подвижниковъ поста⁷⁾.

Эти-то дни—суббота и воскресенье,—въ которыхъ постъ не только не рекомендовался, но строго запрещался⁸⁾, пре-

¹⁾ Тициконъ, 24 дек. и 5 янв.

²⁾ Минея мѣсячная, января 5.

³⁾ Тициконъ, тамъ же.

⁴⁾ Тициконъ, глава 35.

⁵⁾ De Elia et jejunio.

⁶⁾ Слово 1 „о постѣ“.

⁷⁾ На кн. Выт. бес. 11.

⁸⁾ Апост. прав. 64: „аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ постящимся въ день Господень, или въ субботу, кромѣ единаго только (Великой субботы), да будетъ изверженъ; аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ“. Ср. Труд. соб. пр. 55.

рывая собою постоянно, нѣсколько разъ, Четыредесятницу, ставили для церковныхъ каноновъ трудную диллему: или отступить отъ древняго обычая не поститься въ эти дни, или же поступиться высокимъ, сразу по установлениі завоевавшимъ себѣ въ христіанскомъ мірѣ большія симпатій и получившимъ всеобщее распространеніе, учрежденiemъ Четыредесятницы, превративъ ее изъ цѣльного, непрерывнаго сорокадневнаго поста въ 6, 7 пятидневныхъ постовъ.

Единственнымъ выходомъ изъ затрудненія было изобрѣтеніе для субботы и воскресенья такой формы пощенія, которая, не будучи постомъ въ собственномъ смыслѣ, не прерывала бы слишкомъ рѣзко поста Четыредесятницы.

Мы видѣли, что іудейская практика, не могшая не служить для церкви первыхъ временъ ритуальнымъ образцомъ, намѣчала для Церкви такую форму поста, запрещая въ предпостные дни употребленіе мяса (и вина). Между тѣмъ и вообще идея вегетаріанства въ формѣ воздержанія отъ мяса никогда не была чужда человѣчеству, хотя представлялась вообще не осуществимою вполнѣ или не скоро осуществимою (въ тѣ времена, когда „волкъ будетъ пасть со агнцемъ“). Все это не могло не направить мысль Церкви на возможность этого рода ограниченія въ пищѣ, какъ такого ограниченія, которое, далеко не будучи постомъ, въ то же время было бы близко къ нему. „Мы постимся“, говоритъ Кириллъ Іерусалимскій, „воздерживаясь отъ вина и мяса“¹⁾.

Но если для первыхъ двухъ формъ поста—полнаго неяденія и „сухояденія“ (употребленія въ пищу одного хлѣба) для Церкви и были готовые образцы (въ практикѣ еврейской), и эти формы были вполнѣ естественны и подсказывались сами собою, то эта форма пощенія—въ видѣ воздержанія отъ извѣстныхъ родовъ пищи, съ дозволеніемъ другихъ,—хотя не была для древняго міра новостью (существовали даже философскія школы, запрещавшія извѣстные роды пищи, напр.,

¹⁾ Оглас. сл. 4.

пиөагорейская—бобы), но являлась формою болѣе искусственnoю и сложною, чтобы выработаться легко и скоро.

У того же Сократа историка, знакомящаго насъ съ постепеннымъ удлиненiemъ предпасхального поста изъ недѣльнаго въ сорокадневный, мы находимъ и свѣдѣнія о той, такъ сказать, эволюціи, которую испытала эта форма пощенія—воздержаніе отъ мяса.

„Разногласіе“, говорить Сократъ, „касается не только числа постныхъ дней, но и понятія о воздержаніи отъ яствъ; потому что одни воздерживаются отъ употребленія въ пищу всякаго рода животныхъ, другіе изъ всѣхъ одушевленныхъ употребляютъ только рыбу, а нѣкоторые вмѣстѣ съ рыбою їдятъ и птицъ, говоря, что птицы, по сказанію Моисея, произошли также изъ воды. Одни воздерживаются даже отъ плодовъ и яицъ, другіе питаются только сухимъ хлѣбомъ, нѣкоторые и того не принимаютъ, а иные, постясь до девятаго часа, вкушаютъ потомъ всякую пищу“¹⁾). Созоменъ, вообще повторяющій Сократа, не отмѣчаетъ этой разницы въ пощеніи Четыредесятницы, указывая лишь на разницу въ продолжительности ея.

Т. о. очень скоро послѣ того, какъ было принято въ Церкви, въ качествѣ одной изъ возможныхъ формъ пощенія, воздержаніе отъ мяса, было дѣлаемо исключеніе для нѣкоторыхъ родовъ мяса, при этомъ не только для рыбы, какъ теперь, но и для птицъ. Но послѣдняго рода исключеніе, какъ не имѣвшее для себя никакихъ основаній, скоро отпало, а осталось только первое. Въ дозволеніи употреблять рыбу въ постъ могли руководиться слѣдующими соображеніями: 1) проклятие Божие по грѣхопаденіи направлено было именно на землю, а не на воды и ихъ обитателей; 2) рыбы принадлежать элементу, съ которымъ связано крещеніе; 3) въ

¹⁾ Кн. 5, гл. 22.

исторії творенія сказано: „Духъ Божій носился надъ водою“ ¹⁾.

Теперь церковной практикѣ поста нужно было установить опредѣленное отношение къ другимъ продуктамъ пита-нія, именно яицамъ и молоку. Въ этомъ отношеніи тоже были „разногласія“ и колебанія, о которыхъ, какъ видѣли мы, упоминаетъ и Сократъ. По его словамъ въ Четыреде-сятицу (точнѣе, вѣроятно, въ дни ея менѣе строгаго поста,— въ субботу и воскресенье) нѣкоторые „воздерживаются даже отъ плодовъ и яицъ“. Очевидно, во времена историка не полагалось еще различія между яицами и овощами въ отно-шениі поста.

Судя по тому, что въ римско-католической церкви и нынѣ молоко и яица считаются постнымъ кушаньемъ и до-зволяются по крайней мѣрѣ въ воскресенья Великаго поста, можно думать, что такой обычай былъ издавна при-нятъ въ этой церкви. Кромѣ нея такая практика была принята въ Армянской церкви. Эта практика осуждена была Трулльскимъ соборомъ ²⁾, при чемъ въ качествѣ слѣдующихъ ей названы только армяне. Но такъ какъ правило собора осуждаетъ римскихъ христіанъ только за постъ въ субботу, можно думать, что ко времени собора эта практика была оставлена и въ Римѣ, если существовала тамъ раньше, а затѣмъ, — ко времени раздѣленія церквей, — возстановлена. Памятникомъ ея въ Православной Церкви осталась Сырная недѣля.

Такъ, приблизительно къ VІІ в., окончательно выра-боталась въ Православной Церкви нынѣшняя форма Вели-каго поста въ отношеніи къ образу пощенія. Выработалась она впрочемъ къ этому времени только въ основныхъ чертахъ

¹⁾ Такія основанія указываетъ *Dürand* въ соч. *Rationale divinorum officiorum*, цитуемомъ у *Hein. Alt, Das Kirchenjahr*, Berlin 1860, S. 20.

²⁾ Правило 56.

своихъ, но далеко не въ подробностяхъ. Нормою пощенія было признано не полное неяденіе, и невозможное для столь продолжительного поста, а скудное питаніе, состоящее изъ хлѣба и воды или близкое по простотѣ къ такому—изъ прозрастеній земли, съ принятіемъ притомъ такой пищи разъ въ день, вечеромъ (на ранній ужинъ). Такой режимъ признанъ былъ необходимымъ лишь для пяти дней каждой недѣли поста. Для субботы же и воскресенья онъ не только не считался нужнымъ, но прямо запрещался. Для этихъ дней былъ установленъ легкій, едва замѣтный образъ пощенія, установленъ съ долгими и немалыми колебаніями, но къ концу настоящаго периода вполнѣ опредѣлившійся. Безусловно недопустимыми къ употребленію въ эти дни признано было мясо животныхъ и птицъ, молоко и яица. Вино, поставлявшееся не только еврейской, но и ранней христіанской практикой¹⁾ въ отношеніи постнаго режима на одинъ уровень съ мясомъ, признано постнымъ продуктомъ питанія, какъ и рыба. О дозволеніи послѣднихъ двухъ продуктовъ въ постъ можно заключить, какъ изъ умолчанія о ихъ недозволенности въ соборныхъ правилахъ, касавшихся этого предмета, такъ и изъ того, что въ практикѣ послѣдующаго времени, начиная съ IX вѣка, эти пищевые продукты единогласно признаются не нарушающими поста.

Церковная практика позднѣйшаго времени сохранила неизмѣнно эти выработанные золотымъ и серебряннымъ періодами церковной исторіи основныя начала пощенія и только разработала во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ ихъ примѣненіе, всегда стараясь оставаться вѣрной завѣтамъ святой древности. Изъ этой осторожной вѣковой разработки, закончившейся приблизительно къ вѣку XIV, къ вѣку окончательнаго сформированія нынѣ дѣйствующаго у насъ церковнаго устава (іерусалимскаго), или вѣрнѣе, такъ и оставшейся не

¹⁾ См. выше цитату изъ Кирилла Іерусалимскаго.

вполнѣ законченной, и возникли правила пощенія нынѣшняго устава, даваемыя Тріодью и Типикономъ.

Чтобы нарисовать картину ихъ развитія до современ-
наго вида, нужно дать понятіе о тѣхъ памятникахъ, которые
составляютъ матеріалъ для этой исторіи.

Это рядъ древнихъ уставовъ или типиконовъ разныхъ
восточныхъ и русскихъ монастырей, отражавшихъ на себѣ
дѣйствовавшую въ ихъ время практику, хотя, можетъ быть,
иногда и дѣлавшихъ въ ней легкія измѣненія. Рядъ такихъ
уставовъ начинается „Завѣщаніемъ“ (*Τιτοπώσις*), приписы-
ваемымъ св. Феодору Студиту, можетъ быть, неосновательно,
но во всякомъ случаѣ памятникомъ его приблизительно вре-
мени (IX в.), и положеннымъ въ основу такъ называемаго
студійскаго устава. Затѣмъ слѣдуетъ Завѣщаніе (*Κανὼν και
τύπος* или *Διατόπωσις*) св. Анастасія Аeonского (\dagger 1000 г.),
сходное съ первымъ; типиконъ патріарха Константинополь-
скаго Алексія (1025—1043) въ рукописномъ славянскомъ
переводѣ (въ Московской Синодальной библіотекѣ); типиконъ,
данный въ 1118 г. императрицей Ириной женскому констан-
тинопольскому монастырю Богородицы Благодатной; типиконъ
константинопольскаго Пандократорскаго монастыря, данный
ему императоромъ Іоанномъ Комnenомъ въ 1136 г.; типи-
конъ, данный Львомъ, епископомъ Аргоса и Навпліи въ
1142 г. одному монастырю; типиконъ константинопольскаго
Евергетидскаго монастыря, написанный между 1143—1152
годами; типиконъ, данный въ 1152 г. императоромъ Исаа-
комъ Комnenомъ одному малоазійскому монастырю; типиконъ,
данный въ 1192 г. св. Саввою сербскимъ Хиландарскому
аeonскому монастырю; типиконы монастырей—константино-
польскаго св. Маманта отъ 1146 года и малоазійскаго св.
Иліи отъ 1162 г., кипрскаго Богородичнаго 1210, данный
ему іеромонахомъ Ниломъ; „Орбелльская Тріодь“ XII—XIII в.
въ славянской рукописи Императорской публичной библіо-
теки; славянскій типиконъ 1553 г. въ рукописи Московской

Синодальной библиотеки¹⁾. Сюда же должно быть отнесенъ Тактиконъ Никона Черногорца XIV вѣка и Номоканонъ при Большомъ требнику, составленный въ XV—XVI в.

Сравнивая предписаніе нынѣшняго устава о постномъ режимѣ того или другого дня или цѣлаго періода поста съ такими же предписаніями перечисленныхъ уставовъ, мы ясно видимъ, какую эволюцію прошло каждое изъ такихъ указаній. Иногда и указанія нынѣ дѣйствующаго устава, даваемыя въ Тріоди постной и 32 гл. Типикона относительно поста въ одинъ и тотъ же день, на первый взглядъ не сходятся между собою.

Древнѣйшій изъ сохранившихся уставовъ поста „Утюто-посѣс“ св. Феодора Студита IX в., какъ и „Завѣщеніе“ св. Аѳанасія Аѳонскаго X в., назначало такую трапезу для первой недѣли поста: однажды днемъ соленіе (*ἀλμαία*, напр., квашеная капуста) безъ масла, сущеные фиги по 5 и, если случится, каштаны, и сущеные груши и сливы. Въ качествѣ напитка вместо вина назначается для всей Четыредесятницы, исключая болѣе торжественные дни, такъ называемый евкратонъ (букв. „пріятная смѣсь“) изъ перца, тмина, аниса и теплой воды (тотъ же напитокъ въ уставѣ п. Алексія называется „ривиениой ухой“²), а въ Орбелльской Тріоди „юхо сланиково съ пипремъ (=перцемъ = уст. п. Алексія) и медомъ“. Тотъ же уставъ дается для первой недѣли въ уставѣ п. Алексія съ прибавленіемъ ограниченія и въ хлѣбѣ: хлѣба „по единой четверти“ (но съ прибавленіемъ вареныхъ сливъ). Ограничение относительно хлѣба вводится и Типикономъ Пандократорскаго монастыря 1136 года; „въ первую недѣлю будетъ предлагаться меньшій хлѣбъ, чѣмъ обыкновенно, по куску“.

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ изданы проф. А. А. Дмитриевскимъ въ „Описаніи литургическихъ рукописей, т. I, Кіевъ, 1895 г.“. Изъ остальныхъ главы о постѣ приведены почти полностію въ брошюре его же „Тріодь постная—училище благочестія. (О постѣ). Кіевъ 1904“.

²⁾ Ἐρέβινθος, горохъ.

Вводятся ограничения и для другихъ, разрешенныхъ св. Феодоромъ продуктовъ: въ типиконахъ Иринея и Евергетидскомъ дозволяются только моченые бобы (сочиво) и сырая зелень или овощи,—по первому: „можетъ быть и плоды“. Но очень рано этотъ режимъ сталъ усиливаться для нѣкоторыхъ дней первой недѣли, и конечно прежде всего для первого дня поста. Такъ, уже Типиконъ Пандократорскаго монастыря замѣчается: „если же нѣкоторые пожелають проводить этотъ первый день безъ пищи, какъ это въ обычѣ у многихъ, то дозволено имъ дѣлать это по ихъ произволенію“. Типиконъ же имп. Ирины 1118 г. и Евергетидскій XII в. запрещаютъ пищу въ первый день, а Орбельская Тріодь и въ первые два дня. Съ другой стороны идетъ тенденція и къ смягченію кое въ чемъ древней строгости. Типиконъ Пандократорскаго монастыря разрѣшаетъ для первой недѣли вино, только меныше обычнаго; Орбельская Тріодь разрѣшаетъ его для больныхъ и старыхъ.

Результатомъ этихъ всѣхъ теченій въ выработкѣ постнаго режима для первой недѣли Великаго поста и явился, вѣроятно, нынѣшній уставъ ея поста, который Тріодь и 49 гл. Типикона излагаетъ подробнѣе, чѣмъ 32 гл. Типикона. Въ первомъ мѣстѣ уставъ гласитъ: „не пріяhomъ творити преждеосвященную даже до среды, за еже поститися по преданію всему братству; могущіи же да пробудуть постящеся до пятка. Святая же горы типикъ въ первый убо день отнюдь не повелѣваетъ ясти; во вторникъ же, въ среду и въ четвертокъ ясти подобаетъ по единой литрѣ хлѣба, и воду, и ино ничтоже, развѣ соли требуя съ хлѣбомъ“. Здѣсь относительно образа пощенія въ первые пять дней указывается двоякая практика и, какъ то часто дѣлается въ Уставѣ съ правилами поста, предлагается каждому выбрать какую угодно. По первой практикѣ, повидимому, ничего не ъли до среды. И именно съ цѣлью не нарушать такого строгаго поста, замѣчаетъ уставъ, первые два дня поста не имѣютъ и литургіи преждеосвященныхъ (такъ какъ

при литургії неизбѣжно вкушеніе Св. Даровъ). Эта практика уставомъ, очевидно, считается наилучшей, почему и ставится на первомъ мѣстѣ и этимъ возводится въ своего рода законъ. Неясное вслѣдствіе своей сжатости это предписаніе устава (даваемое здѣсь мимоходомъ) излагается уже совершенно ясно (п. ч. подробнѣе) въ 32 главѣ Типикона, занимающейся специально постнымъ режимомъ Четыредесятницы. „Во святую и великую 40-цу, 1-я недѣли первый день, сіе есть въ понедѣльникъ, отнюдь ясти не подобаетъ, такожде и во второй“. Правило, конечно, не легкое, и потому тутъ же уставъ дѣлаетъ замѣчаніе: „не могущіи же сохранити дву дней первыхъ ядять хлѣбъ и квасъ по вечерни во вторникъ [не въ понедѣльникъ!]; подобнѣ же и старіи творять“. Какъ ни труденъ такой постъ, уставъ (въ первомъ мѣстѣ—въ 49 гл. Тип. и Тріоди) указываетъ, но уже въ качествѣ совѣта, практику еще болѣе тяжелую, но конечно, духовно и болѣе обѣщающую: „Могущіи же да пребудуть постящеся до пятка“. „Постящеся“—очевидно въ томъ смыслѣ, въ какомъ „постится братство“ первые два дня, т. е. въ смыслѣ полнаго неяденія¹⁾). Этотъ совѣтъ, который у *современного* врача вызвалъ бы негодованіе, не можетъ показаться ни страннымъ, ни жестокимъ человѣку, хорошо знакомому съ церковной исторіей: пять дней полнаго неяденія (собственно 4½) со вкушеніемъ пищи только въ субботу и воскресенье—довольно обычный приемъ древнихъ постниковъ. Христіанину предлагается разъ въ годъ испытать на себѣ этотъ приемъ и чрезъ это познакомиться съ цѣлою областью духовныхъ переживаній, другимъ путемъ *безусловно* не достижимыхъ (см. § 1); въ Америкѣ и нынѣ производятся, не изъ религіозныхъ, къ сожалѣнію, мотивовъ, опыты и болѣе рискованные; не смѣемъ *теперешнему* читателю напоминать о древнихъ

¹⁾ Иначе понимаетъ эти два мѣста Типикона и Тріоди проф. А. А. Дмитріевскій въ указ. брошюрѣ—„Тріодь Постная—учил. благоч.“, стр. 11.

опытахъ сорокадневныхъ постовъ. Чтобы исчерпать вопросъ полно, уставъ подлѣ этой болѣе суровой, чѣмъ предписываемая имъ практика, указываетъ и болѣе легкую въ сравненіи съ послѣдней. „Святыя же горы типикъ въ первый убо день отнюдь не повелѣваютъ ясти; во вторникъ же и въ среду и четвертокъ ясти подобаетъ по единой літрѣ хлѣба и воду и ино ничтоже, развѣ соли требуя съ хлѣбомъ“. Аeonскій уставъ, жившій чрезъ посредство св. Аeanасія преданіями св. Феодора Студита, оказывался здѣсь болѣе синходительнымъ, какъ и вообще постный режимъ Студійского устава былъ легче Іерусалимскаго (разрѣшалось на все въ среды и пятки, если на нихъ падали дванацѣятые праздники): постъ требовался только въ понедѣльникъ, въ другіе же дни первой недѣли до четверга разрѣшалось сухояденіе, но самое строгое: хлѣбъ и вода (простота режима безъ упоминанія разныхъ „укроповъ съ медомъ“ свидѣтельствуетъ о большой древности практики).

Какая изъ двухъ практикъ—Іерусалимская или Аeonско-Студійская—лучше, хорошо показало время и особенно то обстоятельство, что на самой „св. горѣ“ нынѣ принята цѣликомъ первая практика. „Нынѣ на Аeonѣ послѣ сътной трапезы вечеромъ въ послѣдній день масляницы, по окончаніи повечерія, всѣ краны холодной воды въ монастырѣ запираются и оставляются въ такомъ положеніи до среды, когда, послѣ преждеосвященной литургіи, братія получаетъ по куску хлѣба и изъ куба кипятокъ для чаю“¹⁾.

Такъ какъ указанное замѣчаніе Тріоди, заимствованное въ 49 гл. Типикона, присоединяется въ ней къ службѣ *понедѣльника*, то имъ не предрѣшается еще вопросъ о постномъ режимѣ остальныхъ дней первой седмицы, исключая, впрочемъ, *вторника*, тожественного въ этомъ отношеніи съ понедѣльникомъ. Поэтому оставляя безъ указанія трапезу вторника, которой не полагается, Тріодъ только въ службѣ

¹⁾ А. А. Дмитріевскій, тамъ же.

среды возвращается къ правиламъ пощенія и назначаетъ для этого дня такую трапезу: „входяще же въ трапезу, ядимъ сухояденіе, піемъ и соѣтъ съ медомъ“. 32 гл. Типикона только раскрываетъ понятіе сухояденія, когда обѣ этой же трапезѣ говоритьъ: „въ среду же по совершениіи преждеосвященныхъ, трапеза поставляется, и ядимъ хлѣбъ теплъ и отъ снѣдей овощныхъ теплыхъ, дается же и укропъ съ медомъ“. Овощи (сырыя впрочемъ) причисляются къ сухояденію, какъ мы видѣли, уже и Апостольскими Постановленіями.

„Въ четвертокъ же той седмицы трапезы не поставляемъ, но пребываемъ постящеся [опять слово въ смыслѣ полнаго неяденія, какъ въ первомъ указаніи относительно поста—въ понедѣльникъ] даже до пятка: тогда бо ядимъ входяще въ трапезу“, замѣчаетъ Тріодь и тріодная часть Типикона непосредственно послѣ только что приведенного указанія на трапезу въ среду, т. е. въ службѣ среды. Въ службѣ же четверга, какъ и вторника, краснорѣчивоѣ молчаніе о трапезѣ. Впрочемъ, выраженія „трапезы не поставляемъ“, „тогда бо ядимъ входяще въ трапезу“ заключаютъ въ себѣ скрытую мысль, что скучная пища виѣ трапезы, хлѣбъ и вода „и ино ничтоже, развѣ соли требуя съ хлѣбомъ“ (см. выше) не была бы оскверненіемъ этого четверга, въ виду чего м. б. 32 гл. его проходитъ молчаніемъ.

Пятницу первой седмицы уставы поста удѣляютъ особое вниманіе съ одной стороны какъ отданію тяжелаго пятидневнаго поста, съ другой какъ дню, въ который уже начинается (вечеромъ) суббота (а въ субботу вообще „постъ не бываетъ“) и празднованіе (еще днемъ) памяти святого великомученика Феодора Тирона. Упомянутъ назначаетъ для этой пятницы „вареные бобы съ маслинами“ бѣлыми и черными (μετὰ ἑλαιῶν ἀσπρῶν καὶ μαύρων) и квашенную капусту, и коливо“, и „одну красовулю“ вина. Уставъ п. Алексія и Пандократорскаго монастыря идетъ дальше: „влѣютъ масло въ солоную капусту“ и тоже по чашѣ вина. Типиконъ имп. Ирины дѣлаетъ послѣдній шагъ въ сторону разрѣ-

шения: „въ пятницу должно вкушать вамъ нѣкоторое *варизо* (жидкое блюдо), два кушанья, одно съ елеемъ, другое же безъ елея и вино должно пить по малой красовули“. Евергетидскій типиконъ уже идетъ назадъ: „въ эту же пятницу должно вкушать вамъ нѣкія два вареныхъ кушанья безъ елея, вино же должно пить лучшее по большей красовули“. Т. о. единогласно разрѣшаются уставы въ этотъ день вино и колеблются въ разрѣшеніи на постное масло и даже на варенную пищу. Это колебаніе отразилось и на предписаніи нынѣшняго устава относительно пятницы. „И входимъ въ трапезу, вкушаемъ же вина и елеа ради святаго; сіе пріяхомъ въ лаврѣ преподобнаго отца нашего Саввы и киновіи преподобнаго великаго Евѳимія [авторовъ основы Іерусалимскаго устава]; но не творимъ сего нынѣ за честность дня, обаче ядимъ вареніе съ сливами безъ елеа и армеа“, т. е. трапеза указывается по предписанію *Утотоптосіс*а св. Феодора на каждый день первой недѣли, причемъ изъ *ἀλματα*, соленіе (уст. п. Алексія: солоная капуста) сдѣлано армеа. Но при этомъ прибавлено: „произволяющіи же ядять сухояденіе, якоже и въ среду“. Замѣчательно, что въ окончательномъ постановленіи нынѣшняго устава не разрѣшено вино въ этотъ день, не смотря на единогласіе древнихъ уставовъ въ этомъ отношеніи.

Суббота первой недѣли—по уставу уже прямо праздничный день (праздничная катафасія послѣ каждой пѣсни канона; славословія нѣть только ради поста), дорогой по воспоминанію чуда св. Феодора, и это не могло быть отмѣчено особой льготой въ постѣ. Трапезой этого дня еще болѣе занимаются уставы, но даваемое ими „разрѣшеніе“ на этотъ день—общее для всѣхъ субботъ, впрочемъ и для воскресеній, Великаго поста. По *Утотоптосіс*у въ этотъ день полагалось два варенныхъ блюда съ масломъ и по двѣ красовули вина утромъ и вечеромъ; тоже почти по уставу п. Алексія и другимъ; но рядъ уставовъ разрѣшаетъ въ этотъ день, а слѣд. и во всѣ субботы и воскр. поста и на че-

репокожихъ или октатедовъ, т. е. устрицъ, раковъ и т. п. (уставъ имп. Ирины, мон. св. Маманта и Иліи, типикъ св. Саввы Сербскаго, Пандократорскій), даже на вязигу (*τὰ νεῦρα—Пандокр.*), а одинъ уставъ и на рыбу (уставъ имп. Ирины и Евергетидскій, „если кѣмъ-либо изъ христолюбцевъ будетъ предложено утѣшеніе“) ¹⁾.

Итакъ нынѣшній уставъ возвращается къ самымъ древнимъ традиціямъ, минуя всѣ позднѣйшія колебанія на этотъ счетъ, когда даетъ такое указаніе относительно стола въ первыя, а слѣд. и всѣ обыкновенныя, *субботу и воскресеніе В. поста*:—о субботѣ: „и ядимъ бобъ обваренный, съ маслинами бѣлыми и черными [выраженіе взято изъ ‘Уп-тотоптос’а о трапезѣ первой пятницы поста] и вареніе съ елемъ; вина же испиваемъ по красоволю [не по 2, какъ въ ‘Уп-тотоп.’] ради святаго“, о воскресеньи—„на трапезѣ же ядимъ вареніе съ елеемъ, а не рыбы; аще же прилучится, піемъ вино установленное въ славу Божію, по двѣ чаши“ [преимущество предъ субботой]. Прибавка; „а не рыбы“—отголосокъ колебаній древнихъ уставовъ, также какъ примѣчаніе („зри“) подъ субботой: „вѣдати подобаетъ, яко дважды пріяхомъ ясти рыбы въ сей Великій постъ—въ праздникъ Благовѣщенія и цвѣтоносія“. Въ 32 гл. еще рѣшительнѣе: „рыбы же во всю св. 40-цу никакоже дерзнемъ ясти, кромѣ праздника Благовѣщенія Пресв. Богородицы и недѣли цвѣтоносныя“. Еще славянскій типиконъ 1553 г. (Моск. Синод. библ.) относительно послѣдняго пункта другого мнѣнія: „въ субботу и недѣлю (1 седмицы) вси иноци и міряне (вкушаютъ) масло и вино; обаче міряномъ, аще хотять, въ недѣлю первую и рыбу ясти, занеже во всемъ постѣ четырежды установлено есть тѣмъ ясти рыбы, аще хотять: въ недѣлю православную, и въ неїлю поклоненія честнаго креста, и въ недѣлю цвѣтоносія, и на праздникъ Благовѣщенія“ ²⁾. Здѣсь мы видимъ

¹⁾ Дмитревскій А. А. Тріодь постная... Стр. 24 и 32.

²⁾ Рук. М. Синод. библ. № 389 (337), л. 496 об. Дмитріевскій А. А. Указ. соч. 32.

послѣднее колебаніе по этому вопросу съ явнымъ наклономъ къ нынѣшнему рѣшенію его.

„Въ прочихъ же седмицахъ постимся до вечера 5 дней и ядимъ сухояденіе, кромъ субботъ и недѣль“. Такое краткое и простое указаніе, и то только въ 32 гл., даетъ нынѣшній Типиконъ относительно пищи во все протяженіе 2—6 недѣль поста (сухояденіе въ выше разъясненномъ смыслѣ). Но и по этому пункту было не мало колебаній въ древнемъ уставѣ и нынѣшнемъ указаніе—итогъ ихъ. Почти всѣ древніе уставы имѣли тенденцію между 5 постными днями седмицы (суббота и воскресенье собственно не постные дни) дѣлать различіе, отмѣтить нѣкоторые изъ нихъ болѣе строгимъ постомъ. По однимъ уставамъ постъ усиливается въ понедѣльникъ, среду и пятницу, по другимъ только въ послѣдніе два дня. Только для этихъ двухъ или трехъ дней большинство древнихъ уставовъ требуетъ поста такой же строгости, какъ въ первую седмицу; для вторника же и четверга давалось разрѣшеніе на масло и вино; въ уставѣ имп. Ирины и для среды и пятницы. Но древнѣйшіе уставы—Ипотипосисъ и п. Алексія разрѣшаютъ въ пон., втор. и четвергъ поста варенную пищу безъ масла и вина. Нынѣшній уставъ правѣе, что не дѣлаетъ такого различія: среда¹ и пятница въ Великомъ посту наиболѣе радостные изъ 5 седмичныхъ дней благодаря тому, что имѣютъ литургію, и даже на первой седмицѣ поста въ оба эти дня облегчается постъ. Такъ искусно изъ церковнаго устава устранились постепенно всѣ неудачныя его правила.

Нѣсколько дней въ теченіе 2—6 седмицъ поста заслуживали нѣкоторой льготы въ постѣ по особой ихъ знаменательности. Таковы 1) среда Крестопоклонной недѣли, являющаяся самой серединой, „преполовеніемъ“ всего поста; 2) четвергъ 5-ой недѣли, на утрени которого поется великий канонъ, и за одно предшествующая ему среда, въ вечеръ которой начинается эта утрена; 3) пятница той же недѣли, предшествующая ночи акаистнаго пѣнія; 4) суббота Лазарева.

Среда Крестопоклонная начинаетъ отмѣтчаться въ правилахъ поста позже, чѣмъ четвергъ великаго канона. Ипотипосисъ не упоминаетъ о ней. Впервые говорить о ней, повидимому, уставъ императрицы Ирины, причемъ даетъ для нея самое большое разрѣшеніе, такое, какъ для субботы и воскресеній поста (три вареныхъ кушанья съ масломъ и большая чаша вина). Такое же большое разрѣшеніе для этой среды даетъ и Евергетидскій Типиконъ, вообще одинъ изъ самыхъ строгихъ въ посты. Напротивъ Ипотипосисъ въ одной изъ своихъ редакцій, *Διατύπωσις св. Аѳанасія, Пандократорскаго* уставъ всю четвертую недѣлю уравниваютъ по строгости поста съ первой. Исторіей настоящаго вопроса объясняется положеніе его въ нынѣшнемъ уставѣ. Прежде всего 32 гл. Типикона, подобно древнѣйшимъ уставамъ, совершенно о ней не упоминаетъ (о четвергѣ великаго канона говоритъ). 49 же глава и Тріодь даютъ мимолетное указаніе о ней не въ уставѣ этого дня, а въ уставѣ четверга 5-й недѣли и то только въ формѣ цитаты изъ Святогорского устава (см. ниже).

Четвергъ великаго канона отмѣтчается относительно трапезы уже Ипотипосисомъ. Но здѣсь дается для этого дня самая малая льгота: такая, какъ для праздника Обрѣтенія главы св. Иоанна Предтечи, и меньшая, чѣмъ для дня 40 мучениковъ (безъ масла, только маслины и вино). Въ уставѣ же имп. Ирины и Евергетидскомъ въ этотъ четвергъ, какъ и въ среду Крестопоклонную, дается самое большое разрѣшеніе,—какъ въ субботы и воскресенія поста. Уставъ іеромонаха Нила запрещаетъ въ этотъ четвергъ, какъ и въ предшествующую ему среду, ужинъ, м. б. въ противоположность какимъ-либо уставамъ, дозволявшимъ его (такъ какъ ужина вообще въ посты не полагается, а обѣдъ бываетъ позже, вечеромъ).—Нынѣшній уставъ въ виду всего этого даетъ такое указаніе о трапезѣ этихъ дней: въ 32 гл. Типикона: „въ пятокъ 1-я недѣли, и въ среду великаго канона, и въ великий четвертокъ, аще нѣцки уставы и повелѣваютъ на елей разрѣшати, но не творится за честность дней“; въ 49 гл. и

Тріоди о средѣ великаго канона: „на трапезѣ разрѣшаемъ на елей и вина причащаемся труда ради бдѣннаго, хотящаго быти; внимающіи же спастися, воздержанію прилежать; множайшіи же посту нелицемѣрну“; о четвергѣ: „на трапезѣ же ядимъ елей и вино піемъ, труда ради бывшаго; нѣцыи же уставы [Ипоптиосисъ] разрѣшати точію на вино попущаютъ, на елей же не оставляютъ; во святыя же горы типицѣ разсуждаеть: на святыхъ мученикъ 40, на предтечевы главы обрѣтеніе, въ среду крестопоклонную, на великій канонъ, и на несъдалное (подъ акаѳистъ) ясти два варенія съ елеемъ и испивать по двѣ чаши вина“. Т. о., явно не одобряя разрѣшенія на елей наканунѣ великаго канона (разрѣшенія, дѣйствительно, не даваемаго древнѣйшими уставами), нынѣшній уставъ считаетъ приличнымъ для этого четверга по крайней мѣрѣ разрѣшеніе на вино; такое же разрѣшеніе мысленно предполагаетъ и 32 гл., неодобряя разрѣшенія на елей. Какъ увидимъ ниже, такая же льгота въ постѣ дается для великаго четверга и отчасти для великой субботы.

О пятницѣ наканунѣ субботы Акаѳиста, изъ известныхъ намъ древнихъ уставовъ, есть замѣчаніе только въ Типиконѣ іером. Нила; запрещая ужинъ въ среду и четвергъ великаго канона, этотъ уставъ прибавляетъ: „въ пятницу же должно утѣшать пѣвцовъ ради Акаѳиста“ т. е. дозволенъ ужинъ. Нынѣшній уставъ: „на трапезѣ піемъ вино труда ради бдѣннаго“ (49 гл. Тип. и Тріодь).

На Лазареву субботу Ипоптиосисъ, Орбельская Тріодь и Типиконъ іером. Нила разрѣшаютъ рыбу, первый уравнивая ее въ этомъ отношеніи съ недѣлѣй Православія, Крестопоклонной и праздникомъ 40 мучениковъ, вторая и третій—съ праздникомъ Благовѣщенія. Но уставъ п. Алексія—разрѣшаетъ только на вариво съ елеемъ, уравнивая ее тоже съ праздниками Предтечи, 40 мучениковъ и Благовѣщенія. Нынѣшній уставъ примиряетъ это разногласіе, разрѣшая въ эту субботу на икру: „на трапезѣ учреждаемся вареніемъ съ елеемъ; аще же икру имамы, да дастся комуждо брату по

три онгіи¹⁾), и вино піемъ“ (49 гл. Тип. и Тріодь; 32 гл. Тип. не упоминаетъ).

Какъ это ни странно можетъ показаться намъ теперь, но древніе уставы въ *Вербное воскресеніе* давали меньшую льготу въ постѣ, чѣмъ въ Лазареву субботу. Это могло быть, конечно, потому только, что этотъ день почти причислялся уже къ Страстной недѣлѣ (безъ него, дѣйствительно, эта недѣля не является недѣлей, седмицей). Какъ известно по нынѣшнему уставу—это одинъ изъ двухъ дней всего поста, въ который разрѣшаются рыба (что упомянуто и въ 32 гл. Типикона и въ 49 гл. два раза: въ уставѣ 1-ой субботы поста и въ уставѣ самой недѣли Вайї: „на трапезѣ утѣшеніе: ядимъ рыбы и вино піемъ, благодаряще Бога“). Между тѣмъ Ипотипосисъ не только не разрѣшаетъ на рыбу въ Вербное воскресеніе (разрѣшая ее для 4 дней поста: 1 и 3 недѣли, субботы Лазаря и 40 мучениковъ), но и на масло, а только на маслины при вареномъ блюдѣ и на вино, уравнивая это воскресеніе по трапезѣ съ праздникомъ Предтечи. Уставъ же п. Алексія не упоминаетъ обѣ этой недѣлѣ въ главѣ о постахъ, слѣд. не выдѣляетъ ее изъ ряда другихъ воскресеній поста. Изъ всѣхъ известныхъ намъ древнихъ уставовъ, только Пандократорскій упоминаетъ о ней и разрѣшаетъ на рыбу (не говоримъ обѣ уставахъ, разрѣшающихъ на рыбу во всѣ субботы и воскресенія поста).

Кромѣ этихъ дней особенной льготой въ постѣ отмѣчались дни, на которые падали какіе-либо *праздники*. На постѣ могутъ приходиться слѣдующіе праздники: Благовѣщеніе (очень часто), память 1 и 2 обрѣтенія честныхъ главы Іоанна Предтечи 23 февраля (рѣже), и память 40 мучениковъ Севастійскихъ 9 марта (всегда). Большинство древнихъ уставовъ не полагаютъ особаго различія между этими праздниками въ отношеніи разрѣшенія, но нѣкоторые изъ нихъ мѣняютъ степень

1) Οὐγγίον, ὁγκίον—должно быть греческая транскрипція латинскаго uncia— $\frac{1}{12}$ асса или римскаго фунта.

этого разрешения в зависимости от того, приходятся ли эти праздники в среду и пятницу, или в другое седмичные дни: в первом случае дается меньшее разрешение.

Прежде о *Благовещении*. Ипотипосис и Диатипосис разрешаются на рыбу и вино. Устав п. Алексея только на масло и вино (повидимому). Но все дальнейшие уставы разрешаются на рыбу, а некоторые из них дают это разрешение и для навечерия и попразднства Благовещения (Орбельская Тройца) или для одного попразднства, особенно если есть остатки от рыбной трапезы (Евергетидский, Саввы Сербского и Космосотира), — последнее, впрочем, если попразднство Благовещения не приходится в среду или пятницу. Уставы имп. Ирины, св. Маманта и св. Иллии предвидят и совпадение Благовещения со Страстной седмицей, разрешая в таком случае для него только черепакожих. — Нынешний устав на Благовещение разрешает рыбу, исключая случай, когда он приходится в Страстную седмицу: тогда разрешается масло и вино; если же праздник придется в Великую пятницу, то сухоядение и вино (Марк. глава). На попразднство (тоже отданье) праздника по нынешнему уставу „разрешение вина и елея“ (Минея 26 марта); тоже на предпразднство.

Два других постных праздника: 24 февраля и 9 марта (по типу — полелейные) в древних уставах то уравниваются с Благовещением по разрешению поста, то ставятся ниже его (не разрешается рыба). При этом праздник 40 мучеников иногда ставится выше Обретения главы. Нынешний устав для них разрешает вино и елей.

Некоторые из древних уставов в один разряд с этими праздниками ставят память св. Власия 11 февр. и (чаще) св. Алексея 17 марта. Устав п. Алексея по понятной причине в последней празднике разрешает на рыбу.

О Страстной седмице „мало подобает изречи“. Всё уставы, начиная с Плотипосиса, уравнивают ее с первыми

вой, давая впрочемъ небольшое облегченіе поста въ Великій четвергъ (по Ипот. и Діатип.—вареныя овощи безъ елея и вино). Вино разрѣщалось съ сырными плодами (по тѣмъ же уставамъ) и въ Великую субботу. Но относительно послѣдней нѣкоторыя редакціи Ипотипосиса даютъ разрѣшеніе даже на сырь и яйца. Вопросъ, вызвавшій и соборное обсужденіе и рѣшенный на Трульскомъ соборѣ въ томъ смыслѣ, что посты В. субботы долженъ разрѣщаться не раньше полуночи. Нынѣшній уставъ для первыхъ 3 дней Страстной седмицы назначаетъ сухояденіе, въ Великій четвергъ разрѣщается на елей и вино, а въ Великую субботу только на вино, хлѣбъ, смоквы или финики.

Не слишкомъ ли мелочна эта регламентація? Какъ и вездѣ, здѣсь важна не буква, а духъ. Нужно прочесть самому всѣ эти правила въ Тріоди и Типиконѣ, чтобы ощутить на себѣ теплое дыханіе той любви къ Церкви и всему связанныму съ ней, которая дышала съ такой силой только въ первые 8—10 вѣковъ христіанства. И въ глубокомъ искусствѣ нельзя отказать этой регламентаціи. Самымъ мелочнымъ предписаніемъ въ этомъ кодексѣ вѣроятно каждый признается разрѣшеніе въ Лазареву субботу одной икры. Но надо знать весь исключительный духъ службы этой субботы, не имѣющей себѣ въ этомъ отношеніи въ цѣломъ церковномъ году ничего подобнаго, уступающей по умилительности и оригинальности богослуженія только Великой субботѣ и Пасхѣ; надо знать это и почувствовать, чтобы понять всю необходимость отмѣтить этотъ день какимъ-нибудь особеннымъ образомъ и въ отношеніи трапезы.

Нельзя не обратить вниманіе на большое различіе въ режимѣ Великаго поста между православіемъ и католичествомъ. Въ римско-католической церкви не только рыба считается постнымъ кушаньемъ, но и молочные продукты. Въ настоящее время молоко разрѣщается у католиковъ для всѣхъ воскресеній Великаго поста, а одно время, повидимому, раз-

рѣшалось и въ другіе дни поста¹⁾). Безусловно запрещается въ постъ только мясо; но по благословной винѣ разрѣшеніе и на мясо можетъ быть дано священникомъ. Въ Руанѣ, Буржѣ и др. городахъ построены огромныя колокольни на суммѣ, собранную съ разрѣшеній есть мясо въ В. постъ²⁾). Такое громадное различіе во взглядѣ на постъ показываетъ, какимъ различнымъ духомъ проникнуты обѣ церкви.

¹⁾) Łunkiewicza Piara ks. Wykład obrzędów i religijnych zwyczajów rzymsko-katolickiego kościoła Wydanie 2. Wilno 1854, l. 32—34.

²⁾) Серединскій Т. свящ. О богослуженіи западной церкви. 2. Спб. 1849, стр. 77.